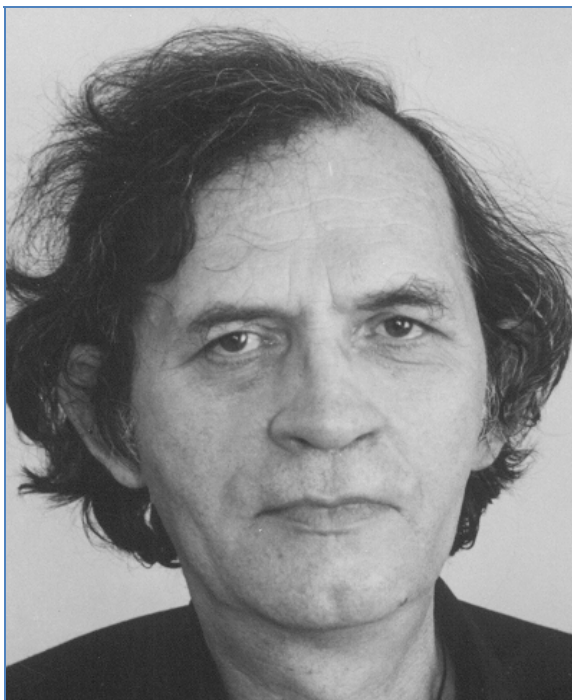




Константин РАССАДИН

Избранное

Поэзия

Москва
«Российский писатель»
2015

УДК 821. 161. 1-1

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

Константин Рассадин. Избранное Поэзия. – Москва:
Редакционно-издательский дом «Российский писатель»,
2015. – 256 с.

ISBN 978-5-91642-136-1

Поэтический сборник Константина Рассадина «Избранное» можно условно считать итоговым томом произведений поэта.

Рассадин Константин Фёдорович родился в селе Улыбовка Саратовской области. Воспитывался в детском доме.

В 1972 году по комсомольской путёвке приехал на строительство Волжского автомобильного завода в Тольятти. Автор книг «Дом моего детства», «Не люблю тишину», «Часы откровения», «В начале была проза», «Телега», «Галина», двухтомного «Собрания сочинений».

Дипломант Всесоюзного конкурса имени Николая Островского, лауреат Всероссийской литературной премии имени Михаила Алексеева.

Основатель и руководитель Тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации Союза писателей России.

ISBN 978-5-91642-136-1

К.Ф. Рассадин, 2015 г.

«Российский писатель», 2015 г.

*Как сходились, собирались
Звери, птицы и гады ползучие
В деревеньку, живущую в тайности,
Где репы да крапивы колючие.*

*Собирались варяги нездешние
Лютым скопом в земной
бесконечности:
Карлы разные, ведьмы да лешие
И другие паскудные нечисти.*

*И, конечно, людишки нагрянули –
Любопытные, государевы,
И пошли по дворам, окаянные,
Пирогов поотведать и варева.*

*По деревне шесть дён они шастали...
На седьмой уж вконец обезжались:
Злые-злые зверюги клыкастые
Подпалили деревню пожарищем.*

*А, казалось, хотелось весёлого:
Поглядеть из забрала открытого
На поэта новорожденного
И в России пока не убитого.*

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОДНОТОМНИКА КОНСТАНТИНА РАССАДИНА

Я начал читать однотомник Константина Рассадина (и это тоже важно) в странную, почти мистическую ситуацию московской осени 2002 года.

Горели леса. И не там, где-то вдалеке. Дым, едкий, напоминающий запахом палёную резину, наплывал на Москву и её пригороды, ел глаза, в горле першило.

И даже в загородном селении Перedelкино, где я обосновался, сизо-жёлтый туман тянулся к домам, а сквозь него просвечивалась жухнувшая листва деревьев. Дождей не выпадало несколько недель. И казалось неправдоподобным, что земля, изнывающая от придавливающей жары, не рождает ни грибов, ни ягод, и скукоживает траву.

Природа неистовствовала, и в этом скрывалась тайна, и глаголы Апокалипсиса подступали к горлу:

«Свершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле...»

И стихи - пришло мне - Константина Рассадина я читал вроде бы на вершине высокой горы по имени ЖИЗНЬ, которую я почти прожил.

И потому его поэзия осмыслялась мною, не как нечто совершающееся перед моими глазами, а представляющее собой судороги и надежды 20 века,

который можно было целиком прочувствовать, только переступив в иное Бытие, именуемое людьми новым веком – 21-ым.

Почему я позволил себе так усложнённо выискивать путь к пониманию поэзии К. Рассадина? Потому что я так же завораживающе - разяще ощутил её истинность, силу, дерзость.

Это была настоящая поэзия, рождённая природной человеческой болью, выбивающая из себя токи страдания и любви, и сама сотканная из страдания и любви.

Поэт Феликс Чуев в предисловии к одной из книг Константина Рассадина тонко подметил: «К.Рассадин стал для меня интересен тем, что смещает во времени своего лирического героя. Не на много, всего на несколько лет, но лет очень важных, судьбоносных. К.Рассадин родился в послевоенном 1948 году, а ощущает себя более взрослым».

«Почему так поступает поэт?» - невольно спрашиваешь себя. Я мыслю по-своему.

К.Рассадин (или его герой) - личность драматической судьбы. Как поэт, он не привязанный к какому-либо историческому периоду, а постигающий бедствия народа и России на протяжении десятилетий с начала войны. И ему необходимо через личную причастность своего лирического героя передать эту злосчастную во многом пору.

Мы иногда в пристрастии к определённым событиям, пусть и глобальным — несправедливо обходим или

преуменьшаем другие события, не менее обездолившие нацию.

Да, война была страшным испытанием для народа. Но и послевоенное время, когда молодые мужчины были выбиты на фронтах, создало трагедию одиночества для миллионов молодых девушек и женщин, и эта трагедия не ограничивалась только сердечными терзаниями, но и порождала общую сумятицу, душевную напряжённость.

И для того, чтобы острее высветлить жребий, выпавший на долю самого дорогого для него, поэта, существа - Матери - он смещает годы.

Мать всегда была неотъемлемым лицом русской поэзии, как защитница, как наставница, как заботница...

Но у К. Рассадина любовь к матери - это частица эпохальной послевоенной трагедии.

У К. Рассадина личный эпизод перерастает в тот, который закручинил всю Россию, всю (или почти всю) её женскую часть.

*Ах, времечко! Послевоенную вторую
Сменил профессию сосед.*

*А я по-прежнему ворую
Полупустые пачки сигарет*

У матушки своей печальной....

Так будет завтра, было и вчера.

Хотя я знаю: изначально

В заначке мамы водится махра.

И сводится к нулю моя «активность» —

Весь мой сыновний доблестный порыв.

*В глухую пору мама пристрастилась
К привычке вредной,
мужа схоронив/*

Сказать по правде,
мы давно не плачем —
О чёрном дне напоминает нам
Лишь дом отцовский в облаке табачном,
Да мамин кашель частый по ночам.

Уж эти мне губительные граммы!..
Они убьют и лошадь, и слона...
И всё ж она курила, моя мама,
Поскольку вдовья чаша солоня.
И как всегда, позволенная редко,
Скупая ласка пахла табаком.
Но появилась добрая примета:
Старалась мать курить уже тайком.
И вот она — такая молодая!
И волосы не сжаты в узелок,
И в доме не завеса дымовая,
А солнышка лучи наискосок...

Ах, времечко! Выходит замуж мама.
И мне пора свою умерить прыть:
В «грехе» покаяться,
себе признаться прямо:
Отворовал! Мать бросила курить.

Я старше К.Рассадына намного, по крайней мере настолько, чтобы запомнить зрительно, а не умо-зрительно, как по-человечески понятно метались женщины после войны в поисках тепла, любви, семьи... Метались порою эгоистично, разрушая чьи-то уже созданные семьи, но идиллия семейных счастливых уз существует только в благонаправных романах, а не в бурлящей жизни.

*Возьму я бумагу попроще
И правду о том напишу —
Бегу по берёзовой роще,
Опавшей листвою шушу.
Бегу по сквозному рассвету
Трёхлетним ушастым мальцом,
Почти обежав всю планету,
Чтоб в дом возвратиться с отцом.
А он в это самое время,
Когда я тянулся к нему,
Тяжёлый и потный с похмелья
В чужом просыпался дому.
Вертялая, скользкая тётка
Ему подносила стакан.
И шёл он весёлой походкой,
Слепив шоколадкой карман.
И вот он уже на пороге —
Он в комнату нашу проник.
И грязные шумные ноги
На чистый встают половик.*

*Берёза стучала о раму,
И ветер наш дом холодил.
От грустной, неплачущей мамы
Отец мой к другой уходил.*

И ещё

*...Ни слезинки у мамы не будет,
Молча ей горевать на веку,
Лишь прильнёт вдруг высокою грудью
К леденящему косяку.
И приметив то, тётка Арина,
Дружбе вдовьей и маме верна,
Песню выплеснет на середину,
Словно талую душу со дна.
Будто впрямь он почти беспечален
Век их вдовий на русской земле.*

Эта трагедия слабо прочерчивается в русской поэзии. Может быть, потому, что была заслонена энтузиазмом восстановления страны, апофеозом Победы, трибунным надрывом, что мы всех сильнее.

А простую человеческую боль загоняли в глубь человека, - мол, пройдёт время да всё и образуется.. Ан, не так. Никуда боль не уходит. Она только замирает, ищет выход себе, изливается в поэзии.

Приходило зыбкое счастье. Приходила надежда.

*И сидела мама, как невеста,
и дрожала мамина рука,*

*но у нас ведь не было протеста
против дяди Коли - моряка.
Мы на то своё имели мнение:
Вот он и пришёл отец с войны...
И качали нас его колени,
Словно две высокие волны.*

Образ матери у К. Рассадина возникает в разных ипостасях, словно подчеркивая: у каждого своя мать, со своей судьбой, которую она произвольно переносит на судьбу своего ребёнка.

Когда-то в Южной Америке я посетил мастерскую удивительного скульптора - женщины. Она лепила исключительно лишь образы матерей.

Я спросил:

- Отчего вы сосредоточились на ликах матерей?

- А вы взгляните — у каждой своя тайна, и я пытаюсь передать, как можно углубленней, материнскую тайну любви...

Я позволил себе бестактность:

- А ваша мать жива ?

Она спокойно ответила:

- Нет, но в каждом моём материнском лице есть её чёрточка...

И я понял, какая возвышающая и подавляющая всё остальное на земле Любовь руководила ею, её талантливым творчеством.

И вдруг у К.Рассадина я читаю стихи, которые мне напомнили ту далёкую скульпторшу.

Только, пожалуй, у К.Рассадына это обнажённой, как-то по-русски, и в итоге – беспощадно горько.

*...А он учился маму рисовать.
Хоть от неё - ни писем и ни фото,
Алёшка знал, почти наверняка,
И брови величавого разлёта
И каждую морщинку у виска.*

*И звал он маму тоненько и звонко
Стрижёнком желторотым из гнезда.
Светилась в маминой косе заколка.
Светилась в небе ранняя звезда.
И ребятня соврать была готова,
Что мать его великой красотой
Затмила «Неизвестную» Крамского
И всех мадонн в Италии самой.
Братва решила: так тому и должно!
А даже Светка вымолвила: «Да!»
И признаваться стало невозможно,
Что он не видел маму никогда.*

Какие поистине печальные и русские стихи. Ведь в каждом из нас есть какой-то мерцающий осколок Любви.

А в ком нет, - жаль его.

Я коснулся лишь одной черты поэзии Константина Рассадина. А его поэзия многонаправленна. И конечно, есть в ней и то, с чем хочется спорить, не соглашаться, предлагать своё решение.

Но ведь в этой разноголосице подходов и оценок и есть постижение настоящего искусства.

Г



ДОМ
МОЕГО ДЕТСТВА

ГОД РОЖДЕНИЯ

Послевоенное, первое,
К солнышку вкривь и вкось,
Слабое, тихое, нервное
Дерево поднялось.
С огненными нарывами,
В грязных бинтах и дыму,
Степь, оглушённая взрывами,
Родиной стала ему.
Знойно мело ковылями.
Ждали в деревне дождя.
И показалось вдруг маме,
Словно то дерево — я.
Вымыслилось от лукавого:
 Если погибнет оно,
Значит — и мне, годовалому,
Жить на земле не дано.
Мучили женщину страхи —
Думалось ей сгоряча,
Будто бы и рубахи
Нам с одного плеча...

Там, под землёй, в чёрной яме —
Сторожем страшное зло:
Ржавую мину корнями
Дерево обвило.

Миг оставался до взрыва.
Свет от звезды на траву —
Всё же вполне справедливо
То, что поныне живу.

МАЛЬЧИШКА

На Избалыке, близ Посельска
Мальчишка, рыжий и босой,
Бежит, прислушиваясь к песням,
Что в травах выпали росой.

В родном краю он дерзок, весел —
Весь из души пока отлит.
И то, что самый деревенский,
Лишь этим горд и знаменит.

Стихи ему бормочут травы,
Хоть сразу набело пиши...
Ещё не время для потравы
Его восторженной души.

Ещё ни шрамика на теле —
В душе кровавых сгустков нет.
И только травы лишь успели
Сказать ему, что он — поэт.

Он им ничуть не верит,
Пусть даже правду шелестят,
Бежит к реке на скользкий берег
Ловить глазастых лягушат.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Возьму я бумагу попроще
И правду о том напишу —
Бегу по берёзовой роще,
Опавшей листвою шуршу.
Бегу по сквозному рассвету
Трёхлетним ушастым мальцом,
Почти оббежав всю планету,
Чтоб в дом возвратиться с отцом.
А он в это самое время,
Когда я тянулся к нему,
Тяжелый и потный с похмелья
В чужом просыпался дому.
Вертялая, скользкая тётка
Ему подносила стакан.
И шёл он весёлой походкой,
Слепив шоколадкой карман.
И вот он уже на пороге —
Он в комнату нашу проник.
И грязные шумные ноги
На чистый встают половик.

Берёза стучала о раму,
И ветер наш дом холодил.
От грустной, неплачущей мамы
Отец навсегда уходил.

ИЗБА

Рубил мой дед избу.
Говаривал:
— Гуляй, топор!
Счастливой будь, рука!
Стоит изба. Широкие завалинки
Ей согревают впалые бока.
Избе покуда можется-живётся:
Коль есть хозяин, и она жива...
И на дорогу светит из оконца
Белей луны седая голова.
У старика огромные ладони —
Они подхватят и несут меня
К её окну, на звонкий подоконник
На краешек начавшегося дня.
Глазам открыта церковка на взгорье,
За ней вдали — реки великой ширь.
И смотришь Русь со влагою во взоре —
Пацан бесштаный — русский богатырь.
И день начнётся с маленького праздника,
Дед песню выведет
на свой старинный лад,
И обожжёт меня:
— Похож на Стеньку Разина!
А я на деда — люди говорят...
Гудут слова по утреннему ветру
Про степь широкую и муку ямщика.
Стоит изба, повёрнутая к свету, —
Так дед её поставил на века.

ПОСЛЕ ВОИНЫ

Ах, времечко! Послевоенную вторую
Сменил профессию сосед.
А я по-прежнему ворую
Полупустые пачки сигарет
У матушки своей печальной....
Так будет завтра, было и вчера.
Хотя я знаю: изначально
В заначке мамы водится махра.
И сводится к нулю моя «активность» —
Весь мой сыновний доблестный порыв.
В глухую пору мама пристрастилась
К привычке вредной, мужа схоронив.
Сказать по правде, мы давно не плачем —
О черном дне напоминает нам
Лишь дом отцовский в облаке табачном,
Да мамин кашель частый по ночам.
Уж эти мне губительные граммы!..
Они убьют и лошадь, и слона..
И все ж она курила, моя мама,
Поскольку вдовья чаша солона.
И как всегда, позволенная редко,
Скупая ласка пахла табаком.
Но появилась добрая примета:
Старалась мать курить уже тайком.
И вот она — такая молодая!
И волосы не сжаты в узелок,
И в доме не завеса дымовая,
А солнышка лучи наискосок...

Ах, времечко! Выходит замуж мама.
И мне пора свою умерить прыть:
В «грехе» покаяться,
 во всем признаться прямо:
Отворовал! Мать бросила курить.

ВДОВЬИ ПОСИДЕЛКИ

Приходили, тихи и бесовы,
К моей матушке — тётушке Томе
Разудалые с виду вдовы,
Сапожищами ботали в доме.
Приносили в глазах по грустинке,
По одной и недолгой пока,
Мне и брату — по половинке
От замёрзшего кренделька.
И встречала их мама картошкой
И «рябиновкой» не во вред...
И сажала с отцовской гармошкой
На отцовский меня табурет.

Глубока для души воспалённой
Золотая такая минутка.
На закуску — огурчик солёный,
Деревенская прибаутка.
Ни слезинки у мамы не будет,
Молча ей горевать на веку.
Лишь прильнёт вдруг высокой грудью
К леденящему косяку.
И приметив то, тетка Арина,
Дружбе вдовой и маме верна,
Песню выплеснет на середину,
Словно талую душу со дна.

Будто впрямь он почти беспечален,
Век их вдовий, на русской земле...
Утром с первых, несмелых проталин
Зарождалась весна на селе.

ТЁТКИН СУНДУК

Над сундуком склонилась тётка Клава.
Ушла в себя,

как омут, глубока.

И очень долго руки согревала
На лацканах мужского пиджака.

...Уже в окно заглядывали вишни.
И сквозь стекло сквозила синева.
У сундука —

откинута крышка.

А на плечах вдовы — два рукава.

* * *

И направо тропка, и налево тропка...
В тихоходах-валенках, мелко семена,
По двору - по дворику плавно, неторопо
Ходит красным солнышком бабушка моя.
В беленьком платочке, под ветвями клёна —
Солнечный комочек, Кавкина Матрёна...
Как у всякой бабушки, у неё заботушка:
Внука озорливого к юбке привязать.
Зря она старается, потому что вот уж как,
Где теперь он прячется, некому сказать.
Вот и беспокоится бабка целый день —
За спиной хоронится старенький ремень.
Ах, куда девались сапоги болотные?
Красной краской залит голый горизонт.
Зазнобило старую: горе за воротами —
Внук её единственный всё же сбёг на фронт.
Внуку жалко бабушку.

Он не раз втолковывал,
Что война с фашистами кончилась давно.
А как землю русскую враг топчет кованым,
Видел мальчик в городе только лишь в кино.
Осердится бабушка, и к глазам платок:
— На войну проклятую не пушу, внучок!
Ходит-ищет внука добрая ворчунья,
Сполз с седой головки беленький платок.
- Бабушка Матрена! — весело кричу я, -
С дерева я слезу... погоди чуток!

* * *

От села Петровала
Потянулись дымы.
Лошадь паром дышала
В санном беге зимы.
Был без страха мой кучер —
Ветер он обогнал.
К гимнастёрке прикручен
Драгоценный металл.
Мне и жутко, и колко
На соломе трястись.
Чу, почудилось, волки
Воют в белую высь.
Кучер бьёт в рукавицы —
Кучер мой плутоват:
— Может, нам воротиться
Лучше, Коська, назад?
Но упрямо до боли
Я сожму кулачок —
Приготовился к бою
И ни слова — молчок!
Пусть не так мне хотелось —
Русский волк — не фашист, —
Но я всё-таки целюсь —
Пули слышится свист.
То не палка простая —
То Максим-пулемёт...

Здесь «фашистская стая»
Никогда не пройдёт!..
По привычному следу
Мы въезжали во двор.
Дядька пил за Победу.
Нос я варежкой тёр.

ДВЕ ПУЛИ

Не очень они и ужасны на вид —
Почти невесомы и чуточку смяты —
Две тусклые пули, что дядька хранит,
Но их подарили ему медсанбаты.

Когда застрекочут ночные сверчки —
Они поселились у нас на балконе, —
Мой дядька наденет кругляшки-очки...
Две страшные пули лежат на ладони.

И скажет мне дядька:
— А знаешь, племяш,
К тебе у меня необычное дело:
Востёр твой глазок, и, поди, угадашь,
Какая из них в моё сердце летела?

И так забоюсь я его обмануть:
Совета не спросишь — все в доме уснули.
Ведь дядька мой ранен и в руку, и в грудь...
Гляди — не гляди, одинаковы пули.

ОТЧИМ

В детстве у меня была река.
Осенью у тихого причала
Плыли в ней седые облака,
И река студёная крепчала.
И вставала на зиму она
От верховий до Петрова вала,
И заледеневшая волна
Будто бы на цыпочках стояла.

Мать пекла на кухне пироги.
По окну дождиночки стекали.
В коридоре слышались шаги
И у нашей двери затихали.
Мы с братишкой звали его дядей.
Дядя Коля, с «Муромца» старпом,
Подорвался на одном снаряде
С нашим невернувшимся отцом.

И сидела мама, как невеста,
И дрожала мамина рука.
Но у нас ведь не было протеста
Против дяди Коли-моряка.
Мы на то своё имели мнение:
Вот он и пришёл отец с войны...
И качали нас его колени,
Словно две высокие волны.

* * *

Как истый шкет из Буерака —
Села, прижатого к реке, —
Я наколол матросский якорь
Повыше локтя на руке.

Всё как у всех: незлые драки,
О море яркая мечта...
Но с мамой жили мы в бараке,
И я считался сирота.
И мне учительница в школе
Про это ж самое врала.
Она не знала: с дядей Колей
Вчера пилили мы дрова.

Потом я плавал вместе с батей
Под флагом «Красного борца».
И кто-то вдруг совсем некстати
Мне намекнул, что нет отца...
Что, дескать, мы таких видали —
К начальству лезущих «в сынки».
Я доказал ему... С годами
Мои окрепли кулаки.

Мой дядя Коля, старший мичман,
Сказал мне строго: «Не сорить!»
О коробок ломались спички —
Никак не мог он прикурить.

ПАСХА

Кулич испечён и помазан
Почти неземным волшебством.
Старательно бабкой наряжен,
Сижу за пасхальным столом.
Сегодня Сын Божий воскреснет!
А как? - невозможно понять.
И маленький крестик повесит
На шею мне крёстная мать.
И всё будет в доме в порядке:
Растёт по часам богатырь -
Единственный родственник бабки
И личный её поводырь.
И тесно им станет в избушке:
Опасно несоизмерим
Шагающий посох старушки
С размашистым шагом моим...
Ах, старая-старая мама!
День пасхи нагрянет опять,
А я не поверю, упрямый,
Что надо кулич покупать.
С надеждой вгляжусь в поднебесье -
Луна как лампадка висит:
Сегодня Сын Божий воскреснет
И маму мою воскресит.

* * *

Я из детства помню поле
Капли солнышка на колоске...
Голубое-голубое
Небо плавало в реке.
Только в этом добром небе
Почернела вдруг река.
И сломался тонкий стебель
Золотого колоска.

Братьев тётка принимала
В дом казённый у дорог.
Я подумал: Здравствуй, мама!»
Брат мне сунул локтем в бок.
«Наша мама, наша мама!»
Губы я скривил опять.
Исподлобья брат упрямый
На чужую смотрит мать.
И несказанное «Здравствуй!»
Поглотила тишина,
Хоть рассказывал не раз он,
Что учителька она.
Но молчит-сопит Володя —
Он взрослей меня на год.
И поэтому, выходит,
Нам на «мамку» не везёт.

ПТИЦЫ МОЛЧАТЬ НЕ ДОЛЖНЫ

Баллада

За тонкой озвученной дверью
Занятия детского хора.
Когда умирают деревья,
То птицы смолкают не скоро.
И в этом великую мудрость
И мы испытали сполна,
А то, что мы пели зажмурясь, —
Не наша, брательник, вина...
А наша — иная, что если
Закрыть не успеешь глаза,
Непрошено скатится в песню
Горячей горчинкой слеза.

Мы пели по вторникам — после
Набегов своих матерей,
Которых не помнили вовсе,
Забыть постарались скорей...
По поводу родственных линий
Мы правду имели свою:
Давно матерей схоронили,
Отцов положили в бою...
Поскольку война недалече,

Приют наш сиротский не тих.

Не надо нам души калечить
Воскресным явлением их.
И всё, и не нужно поправок
На этот сомнительный счёт.
Не нужно конфет и баранок —
Нам сладкая ЛОЖЬ не идёт.

Взъерошены и желтороты -
«Птенцы» даже жалко смотреть
Но время научит кого-то
Почти по-шалаяпински петь.
Сопрано сиротского детства
Детдом в заповедном лесу.
Несу своё певчее сердце
Под небо России несу.
До самого донышка веря,
Мы пели не зря, пацаны...

Когда умирают деревья,
То птицы молчать не должны.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Тихий свет по коридору ровно
От стены и до стены пролёт.
Сторожиха Клавдия Петровна
В лампе поправляет фитилёк.
И стоит в углу горбатый посох —
Грозная пугалка для воров...
Я иду, застенчивый и босый,
В тишине охранных вечеров.

Сторожиха за иголкой нитку
Тянет из былинной старины.
В этот миг торжественный окликнуть
Может нас лишь Пушкин со стены...
Он в меня глазами зорко целит,
Страшновато даже... ну и пусть!
Я не в детском доме, а в лицее
На поэта Пушкина учусь.

Но об этом в самой тайной тайне
Я себе не признаюсь пока.
Тётка Клава стягивает ставни,
Как концы пухового платка.
Неспроста доверили ей школу —
Думы её дрёмные тихи.
Босиком по каменному полу
Ходят мои первые стихи.

ВОРОНЁНОК

Непоправимая беда.
Моля о помощи до хрипа,
Он был птенцом,
 который выпал,
Как я, досрочно из гнезда.

А тот, что вышел на охоту,
Смеясь, постреливал в лесу.
И надрывался желторотый,
И я шептал ему:

- Спасу!

Одной судьбы у нас начало...
Упали рядышком в бурьян
Тебя гнездо не удержало,
А я — детдомовский пацан.
Как говорится, нам с пелёнок
Немножко, брат, не повезло...
И тщетно бился воронёнок
Вставал на слабое крыло.

Когда из всех оглохших пушек
В людские целятся сердца,
Не до расстрелянных опушек,
Не до упавшего птенца.

В КИНОТЕАТРЕ

Вывали валенки – надевали валенки.
Шли в кинотеатр. Счастливы вполне.
Девочка у моря в голубом купальнике
Наливное яблоко катит по волне.

Мы в кинотеатре шепотком беседуем:
- Что её нам яблоко? — так себе... десерт.
Девочка незлая и совсем невредная —
У неё родители, а у нас их нет.

Если позавидовать — нам бы Генке надо бы,
Ели уж подраться — непременно с ним.
У него под Вологдой в государстве ягоды
Лешим и лесничим дядька Серафим.

Генка с нами делится ягодой по-честному,
«Тёмную» устраивать веских нет причин.
Да к тому ж по времени,
даже пусть по местному,
Валенки мы сносим — вырастем в мужчин.

Девочка в купальнике ходит возле моря,
Аленький цветочек ей на счастье дан.
Всхлипнула Наташка. Донкихотит Боря —
Кулаком грозитя морю на экран.

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

Нас считали взрослыми вполне,
В этом вовсе не было промашки.
А на солнечной стороне
Грелись в комнате первоклашки.

На той солнечной стороне
С крыши вкусные висли сосульки.
И стекали по стёклам рисунки
На высоком прогревом окне.

Мои стриженные братишки
И сёстры мои, грустноглазки,
Вам дарили мы тонкие книжки
Побеждали в них добрые сказки.

И носили вам редкие сладости
По детдомовской продрозвёрстке,
И подолгу в ладошке-горстке
Карамельные таяли радости.

И сейчас мне нельзя не помнить,
И не следует забывать.
Ведь стояла в той солнечной комнате
На луче и моя кровать.

ДЯДЯ САНЯ

В ранний час, когда ещё покою
Не сопротивляется душа,
Снова дворник с новенькой метлою
По двору проходит не спеша.
Человек с метлою — дядя Саня —
На одной ноге пришёл с войны.
И с великолепными усами —
Дополнением к званью старшины.

Старые родители, о сыне
Проявив заботу на дому,
Навсегда приладили к штанине
Деревяшку гулкую ему.
Дядя Саня ходит по рассвету.
Солнцу рад... Ладонь под козырёк!
Прибирает нашу он планету,
Поправляет линии дорог.
По-хозяйски тщательно, неброско,
Утренних не прогоняя птиц,
Он скребёт заснеженную плоскость
Возле школьных зданий и больниц.
Но особо помнится, что кроме
Этих дел, чудачество за ним:
Мастерить игрушки в детском доме
Без отказа малым и большим.

В дом наш возвращался постепенно
Прежний мир покинутых чудес.
И совсем нестрашно вдохновенно
За окном постукивал протез.

ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ

Гогоча, птицы крыльями хлопали.
Эти белые птицы большие
Роковые затеяли хлопоты —
Улететь со двора решили.
И бунтарское это решение
Воплотить в жизнь намерились смело,
Потому что им длинные шеи
Топорам подставлять надоело.
Я бежал к ним в одной рубашонке —
Так хотелось мне в белую стаю!
И шипел старый гусь: «Хорошо бы,
Только я ведь один не решаю».
Старый гусь был товарищем верным -
Позволял забираться на спину...
И мне чудилось: непременно
Детский дом навсегда я покину.
Улечу в край неведомый с ними
Из обиды недетской и грусти.
Несмышлёнышу разъяснили:
Не летают домашние гуси.

Голубые высокие дали,
Знать, от этого почернели.
Если б взрослые не мешали —
Поднатужились птицы,
Взлетели...

МАТЬ

Вот уже забыл, как тётку звали.
Мучаюсь, а вспомнить не могу.
Было холодно, И были сани,
Женщину везущие в пургу.
Старый мерин от шальных прогонок,
Кажется, совсем в снегах ослеп.
Под тулупом, как грудной ребёнок,
Розово дышал горячий хлеб.
Заурчит чертяка в моём брюхе.
Друг Колян ругнётся, но не зло.
Детский дом в заснеженном треухе
Выйдет встретить тётку за село.

Нас нарядят в редкие обновки:
— Вот вам, детки, чай и калачи!
А Возница в маленькой кладовке,
Посидит дремотно у печи,
И оттаяв сердцем, улыбнётся.
И опять в прогретой синеве
Две руки прокатятся, как солнце,
По моей зелёной голове.

И я вспомню Ласковое имя.
Надо ли так долго вспоминать? —
Если рядом с именем Россия
Есть одно-единственное Мать!

БЕРЕНДЕЙ

Баллада

В ту пору случалось нередко —
Нагрянут морозы не в срок,
И главный учитель — директор
Отменит последний урок.
И мы верещим от восторга,
Друг друга толкаем в бока.
Но смотрит директор наш строго
И дума его глубока...

Ну что тут, казалось, такого —
Одеть нас, обусть, накормить...
Но молвит он жуткое слово:
— Врага было легче громить!
Там проще: медаль или орден,
Иль буйная с плеч голова.
А тут вот зима на подходе,
Нужны позарез нам дрова.
И двинули в лес за озоном.
И весь подобрался солдат.
Он снова мобилизован,
И рядом «братишки» стоят.

А если уж очень подробно —
С войны доносился к нам гром.
Пилили мы мокрые брёвна,
Директор стучал топором.

Удары от каждого взмаха
Звенели — в Берлине слышны!
И словно стекала рубаха
С его широченной спины.
И ветки стекали с деревьев,
И солнце не щедро текло...
Иные в жару не согреют,
С другими в морозы тепло.
То было великим искусством —
Невиданным волшебством —
Когда согреваются чувства,
А руки и ноги потом.

К концу подходила работа.
Усевшись на потном бревне,
Махру мы тянули почётно —
С директором наравне.
И кто-то из нас, из бедовых,
На меткое слово удал,
Директора детского дома
Царём Берендеем прозвал.

СКАЗКИ

На волке на сером не скачем,
Жар-птицу не ловим за хвост.
Попроще живём и иначе:
Ботинки бы выдал завхоз.
Хотя наши медные пятки
Навряд ли проколешь гвоздём,
Но всё же бежим без оглядки
От сказок под низким дождём.
Такие уж мы ребятёнки:
Не держим восторженных глаз
Ведь сказка о гадком утёнке
И та не прельстила бы нас.
Поскольку наш дом на прицеле
У самых суровых забот,
И мальчишки носят шинели
От госпитальных щедрот.
И вовсе не по указке
Каких-то чудес на земле
Мы ищем солдатские каски
В окопах остывшей золе...

Жестокая детская память
В душе моей — шрамом больным.
Мне трудно сегодня представить,
Как судьбы отцов ворошим.

Стучим мы по ним башмаками —
Детдомовский дерзкий народ.
И где-то за облаками
Грохочет ковёр-самолёт.

ВООБРАЖАЛЫ

Над кроватью фото из журнала:
Женщина раскланивается низко...
Светка Пересветова воображала:
Мать её — известная артистка.
Посмотреть, и я не лыком шитый —
Золотыми нитками я щит...
Со стены наш маршал знаменитый
На меня отчески глядит.

Светка! Светка! Сказку не тревожа,
Говорю тебе, рассерженной немало:
— Если ты так на неё похожа,
Я похож тогда на генерала.
Вот что я придумал, Светка, слышишь?
Мне дано встречать его в бою...
Ты ж нарядишь в мамины афиши
Солнечную комнатку свою.
И совсем не хуже, Светка, наши
Крохотные души-свиристели!
Лишь бы верить нам, что спать не страшно
В ледяной детдомовской постели.

И летать тебе за облаками
По «ла скалам» разным и «парижам».
Ну а мне командовать полками
И ходить с лампасами на бриджах.

ЗАВХ03

Из помятой каски на плакате
Воду пил улыбчивый солдат...
Став завхозом в нашем интернате,
Этим раздосадовал ребят.
Мы упрямо спорили, гадали,
Шепотком доказывали: «Он!»
Не носил солдат свои медали,
И давно ходил он без погон.
Пятый год окреп послевоенный.
Тишина на Одере-реке.
И Кузьмич для всех обыкновенный
Служащий в потёртом пиджаке.
Суетливый, добрый по-отцовски
К стриженным горластым пацанам —
В детском доме солнечного Вольска
Попривыкшим к новым именам.

Порвалась рубашка у кого-то —
Он ворчал: «Опять мне за иглу!»
Эта несолдатская работа,
Видно, по душе была ему.
Он сидел под собственным портретом.
Нам рубашки рваные чинил.
И свою великую Победу
С каждым годом больше он ценил.

ШВЕЯ

В пылу расхрабрившихся споров
Был каждый помочь ей готов —
Костюмы для трёх мушкетеров
Она мастерила со слов.

Подумаешь, не читала!
Ту книжку любой назубок
Не только привычно с начала —
С конца пересказывать мог.
И мы ей – помощники в деле
Таинственных правил шитья, -
И наши глазёнки горели,
Рукам мастерицы светя.
Но вовсе не праздника ради,
Не ради волшебных минут,
Мы знали: у бабушки Нади,
Работая, руки поют...

Покинула сердце отвага,
Кольнула под сердце игла:
Моя мушкетёрская шпага
На холмик могильный легла.
У речки широкой, у Камы,
Не бьётся сегодня волна...
Высокое звание Мамы
Носила в детдоме она.

ПОРТРЕТ

Не правда то, что перед ним кичились,
Наш детский дом —
не «божья благодать»...

Они курить и водку пить учились,
А он учился маму рисовать.

Хоть от неё — ни писем и ни фото,
Алёшка знал, почти наверняка,
И брови величавого разлета,
И каждую морщинку у виска.

И звал он маму тоненько и звонко
Стрижонком желторотым из гнезда.
Светилась в маминой косе заколка.
Светилась в небе ранняя звезда...

И ребяшня соврать была готова,
Что мать его великой красотой
Затмила «Неизвестную» Крамского
И всех мадонн в Италии самой.

Мы все решили: так тому и должно!
И даже Светка вымолвила: «Да!»
И признаваться стало невозможно,
Что он не видел маму никогда.

СТАРЫЙ СИВКА

До девичьей улыбки,
Что прячут в терему,
На этом дряхлом Сивке
Не доскакать ему.
Высоты все измерены
Ивановым конём —
У старенького мерина
Три шрама под седлом.
И на боку — залысина,
Как будто выбрит бок.
А фельдшером записано
Коротенько: «ожог».
И командиру велено
(Есть подпись и печать)
Коня из артиллерии
По старости списать.

Под городом под Вольском
Копыта те стучат.
Там Сивка продовольствием
Снабжает интернат.
Он ходит под началом
У Ваньки-сироты
К затоновским причалам —

На шаткие мосты.

Везёт войны последышек —
Горбатенький конёк —
То молоко, то хлебушек,
То сахарный песок.
В заоблачные выси
Коньку не доскакнуть
Лишь шагом, а не рысью
Прodelывает путь.

А Ване и не надо —
Привык к тому уже:
Живёт его отрада
На первом этаже.
Зарёй окошко светится —
В нём бантик голубой...
И старый Сивка метится
Сорвать его губой.

ЗОЛУШКА ТАНЯ

Наряжали девчонку
В голубые шелка,
Подрезали ей чёлку
Косовато слегка.
И топорщились с вызовом
Её плечи-углы.
Ах, зачем она вызвалась
Рано так на балы?
И поможет едва ли
Свет волшебных огней,
Ведь дурнушкой прозвали
Даже те, кто дурней.

Но в восторге немеем:
Что походка, что стать!
И уже не посмеем
Просто Танькой назвать.
Есть корона, а кроме,
Факт такой приурочь,
В новогоднем детдоме
Карнавальная ночь.

И свершается сказка:
— Вот и Золушка — свет!
Лишь одна неувязка —
На ней туфельек нет.

Рыщут волки под ёлкой,
Скачут стайки зайчат.
И хрустальные, звонкие
Пятки Тани стучат.

* * *

Трогаю ромашки стебель тонкий —
Я хочу спросить у луговой:
— Где теперь живут мои сестрёнки,
У какой беды прифронтовой?
Хотя знаю точно, что едва ли
Грели им ладошки лепестки,
Общую судьбу нам нагадали
Лихолетья злые сквозняки

С куклами-матрёшками печальными
К нам их привозили из боёв.
И хранились справки госпитальные —
Автобиографии со слов.
Так и записалось в спешном домысле:
«Маши Ивановы», а за сим
Попривыкли девочки-детдомовки
К именам заведомо чужим.
Только иногда забытым мучаясь,
Может быть, увиденным во сне,
Скажет девочка: «А Таней лучше бы!»
И проглянет солнце в вышине.

Где теперь живут мои сестрёнки?
Тихая ромашка, не молчи!
Ах, зачем я тронул стебель тонкий —
Белые осыпались лучи.

* * *

Я плыву на стареньком буксире,
Тихую Волну не торопя.
Где-то рядом в побережном мире
Мне звенят разлуку тополя.
Верится на счастье и удачу
Им шуметь зелёный свой прибой.
Зря душа отроческая плачет —
Серый день уходит в голубой.

Велика ли палуба? Велика...
Волны стелет вдоль и поперёк
А глаза болят от слёз и крика,
Пассажирам строгим неведомёк
Горло распирает, будто комом:
Как в тисках зажали — не вздохнуть...
Что поделать! из Родного дома
Нужно уезжать когда-нибудь.

Только крик призывный белых чаек
Да немой тревоги канитель.
И река мне палубу качает
Лёгонько, как мама колыбель.
Велика ты, палуба! Велика...
И никак душе не угадать:
За твоей чертой какое лихо?
Родина иль Мачеха опять.

ФОТО
ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА
Баллада

Неумело они
из махры папироски
крутили,
Пели звонкие песни,
печатая шаг на плацу.
Вот всё, что я знаю
О брате моём Михаиле,
Чтобы маме стать старой
И сгорбиться рано отцу.
Да, беда велика!
Но снуют по деревьям
букашки,
Соловьиные грозди
Созрели в весенних садах...
А когда я подрос,
То донашивал брата рубашки
И сбивал каблуки
На опрятных его башмаках.
Хохотал я до слёз,
Наблюдая,
Как в солнечной клетке
Белка грызла орешки
И весело пела она.

Вился рыжий мой чуб
Из-под Мишиной
 в клеточку кепки —
Пробивался пушок
На пунцовых щеках пацана.

Я стоял под окном:
Папироска прикушена зубом,
Колыхались клеша
И душа цвета школьных чернил...
В своей первой любви
Был изысканно нежным и грубым —
На колено вставал,
Но цветов никогда не дарил.
И шалея от солнца,
И на ухо кепку чуть сдвинув,
Я вышагивал тихо,
Касаясь горячей рукой
Тонких ивовых пальчиков
Гордой моей Магдалины,
Вроде «свойской девчонки»,
Но всё же не нашей — чужой...

Будто кто-то привёз
К нам её из-за синего моря,
Поселив её в домике
Старой, замшелой вдовы.

День и ночь я бродил
Возле замка Принцессы
в дозоре:

Износились рубашки,
Ботинки мне стали малы...
Исклевали дожди
Франтоватую
в клеточку кепку.

Королевскую дочь
Увезли от меня в никуда...
Я из детства ушёл.
Бросив в синее море
монетку.

Опечалившись тем,
Что её не вернёт мне
Вода...

Вот сижу и грущу
В вечеряющем
Собственном доме.
Выпью много вина
И выкурю семь сигарет.
Пожелтевшая фотка
Хранится в семейном альбоме:
На ней папа и мама,
И брат мой...
Меня ещё нет.

СОЛОВУШКА

баллада

В доме лунные, тихие окна.
В её комнату дверь не скрипит.
У отцовского, тёплого бока
Обогрелась девчушка и спит.
Ведь не кукла она «невалюшка» -
Человечек с живою душой,
Семилетняя кроха Наташка
Спит с отцом на кровати большой.
Значит, жили они не в подвале
С мамкой, пьющей вино без конца...
И неправду ей люди сказали,
Что в тюрьму посадили отца.
И не слёзы текут - веснушки
По горячим, как маки, щекам,
Потому что у этой девчушки
Семь дорожек к весенним лучам.
Пусть живёт она в сне беспечальном.
И для полного счастья тогда
На перроне весёлом вокзальном
Пусть встречает она поезда.
И придёт по серебряным рельсам
Главный поезд... не надо гадать!..
Но в четвёртом вагоне апрельском

Точно будет Наташкина мать...

Распахнутся вагонные двери
Посредине цветущей весны...

Но разбудят её. Не поверят
В эти лунные детские сны
Злой с похмелья бомжара Тимоха
И крутая сорвиголова
Двадцать первого века эпоха
С белокаменным градом Москва.

* * *

Бомж Тимоха не злой по натуре.
Плут московский, халявщик и тать,
Приобщил он Натаху к культуре -
Песни петь да на хромке играть.
От души он рванёт на двухрядке -
На гармошке нетрезвой своей,
И народ наш, на зрелища падкий,
Вдруг услышит - поёт соловей!
Приосанится гордый бомжара -
При гармошке и он музыкант:
Три аккорда фальшивого дара,
Но зато у девчонки талант!
Мир замрёт от смертельного страха -

От гибели на волосок...
Как поёт эта девочка-птаха!
Чистый ангельский голосок!

Раскошеливай, дядя, заначку -
Не копи на беду - наперёд...
Тебе Натка про Соню-рыбачку
И про Костю с шаланды споёт.
Не таи запропашую душу,
А держи ты её под рукой!
Позабытую вспомни Катюшу,
Что ходила на берег крутой.
Задержи ты себя на минуту,
Извлекай из сумы барыши -
Деревянную нашу валюту
За восторг этой певчей души!
На Арбате, Таганке, на Пресне,
У забора бутырской тюрьмы
Вспомни тяжкие русские песни
И страну самой лютой зимы.

* * *

Лунный свет в чёрном мраке подвала
Навевает ей сон золотой:
Как она от Тимохи сбежала,
Когда тот погрузился в запой.

И нашлись в мире добрые люди:
Взяли в дочки её насовсем,
По утрам теперь девочку будят
Кукла Барби и преданный Кен.
Словно Золушкой в сказку попала -
Не сойти бы от счастья с ума!
Ведь даёт ей уроки вокала
Тётя Соня Ротару сама.
Детский голос струится лучистый...
Из подвала до звёздных высот.
Станет Натка народной артисткой,
И не хуже «Лаванду» споёт...

Ночь метёт золотою порошей,
Рассекает крошечную тьму...
- Папа! Папка! Ты самый хороший!
Не сажайся ты снова в тюрьму!
- Мама! Мамочка! Глазкам так больно!
Погаси ты, пожалуйста, свет!
И Тимохе до жути прикольно:
Погасил бы, да лампочки нет...
Бомж чернее подвального мела -
Он почуял большую беду:
- Видно, Натка, всерьёз заболела!
Что попало, молотит в бреду.
Эх, судьба! - распоследняя сволочь:

Приговор нам читает с листа...
Медицинская скорая помочь -
Катафалк... бугорок без креста...

Никакого прощального слова!
Никого, ничего - тишина.
Раз копнули - могила готова.
Спи спокойно, родная страна!
Не луна - косоглазая ведьма!
И зовут её кратенько - Смерть!
Бьёмся в муках на каменной тверди,
И под нами колышется твердь...

Философствует пьяный Тимоха,
Пальцы рук в кулаки сцеплены.
И не нужно не ахать, не охать:
Перед смертью хорошие сны...
Он и сам в этих снах кувыркался,
Потому как не раз умирал,
И стоял в них сияющий глянецом
Тимофей Ковалев - генерал!!!
Генеральская взмокла папаха –
Шёл московский военный парад.
И бежал он из этого страха...
Потому-то и жив, говорят.
А теперь вот такая напруга:

Натка вряд ли вернётся из сна.
По Москве сатанинская вьюга –
Это значит Тимохе хана.
И вино не прибавит отваги.
Догорает Соловушка-свет!
Это значит: ему - бедолаге! -
Перед Богом держать свой ответ...
За свою нехорошую славу -
За бездомное в мире житьё,
За жестокую эту державу,
Что так любит величье своё.
Знать не хочет ни слухом - ни духом,
Белокаменный лоб свой крестя,
Что земля не становится пухом,
Даже после кончины дитя.

Я кричу через время в бессилье,
Руки рупором стиснув к губам:
Гой ты, мачеха злая Россия,
Когда матерью станешь ты нам.



ИЗ АРМЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ

*Стихи о событиях в
Чехословакии в лето 1968 года были
написаны мною сразу же по приходу из*

*армии. Меня как начинающего, никому
неизвестного поэта слегка осудили и
взяли на «заметку» в компетентных
органах, так на всякий случай.*

* * *

Тихие сопки таились в беде.
Чуть рассветёт, и ударят с границы.
Эти берёзы на горной гряде,
Будто бы белые птицы.

Лебеди, гуси иль журавли...
Или же вороны – альбиносы?
Главное, чтобы взлетели с земли,
А не летели с неё под откосы...

Завтра здесь будет хозяйничать смерть:
Ляжем все мы под обстрелом...
Только бы птицам успеть улететь
В этом обличьи березово-белом.

Грянет рассвет, и меня здесь убьют...
Глупо солдату на смерть обижаться.

Птицы-берёзы, вам нечего тут
К гнёздам насиженным жаться!

Скажут потом, что погиб я зазря

И назовут оккупантом...
Вы улетайте, покуда заря
Дремлет на пражских курантах...

ТАНКИ В ПРАГЕ

Ворвались в Прагу на рассвете
С кровавым привкусом во рту...
Столпились женщины и дети
Живым заслоном на мосту.
- Наверно, тот, который Карлов,-
Заметил ротный книгочей.
- Отставить трёп, ефрейтор Павлов!
Для нас он, собственно, ничей...
И наш комбат, мужик бедовый,
Мне приказал:
- Давай газку!
На мост надвинулись подковой,
Припав к прицельному глазку.
И выжил газ я до отказа –
Как будто нерв, гудит броня.
И округлёно - большеглазо
Смотрела Прага на меня.
Я понимаю: Злата Прага -
Краса и гордость всей земли.
У нас – приказ, у нас – присяга...
Так что ты, Прага, не шали!
Скажи спасибо нам – солдатам,

И чти комбата-молодца...

Совсем не так ты в сорок пятом
Встречала танк его отца.

* * *

- Шире шаг. Давай-ка, запеваля,
Про Катюшу нашу... в бога-мать!
Чтобы Прага Золотая знала,
Мы пришли сюда – не убивать...

Лихо мы колотим по брусчатке
Сапогами – шагом строевым...
Как один...

в эпилептическом припадке...
Мёртвым – честь,
и трижды честь – живым!

На моей щеке всюсю
горит румянец –
Молодой, здоровый организм.
Я же свой – какой я иностранец? –
Мировой спасаю коммунизм.
За него, коль надо, постреляю,
За него, коль надо, и помру...
Не один в солдатики играю
В эту смертоносную игру.

Мне себя нисколечко не жалко —
Привкус крови в горле не горчит.
... В знак протеста юная пражанка
Облилась бензином... и горит.

* * *

Какие тут ещё медали?
Какие, к чёрту, ордена?
В него камнями бросали
Почти из каждого окна.
Он слышал, как, упав из ночи,
Вконец оглохшая луна
Ему кричала, что есть мочи:
- Зачем пришёл ты, сатана?!
Травинка каждая вопила,
С земли обугленной пристав,
Как будто главный он Страшила,
Писавший воинский устав.
Москвы не видевший ни разу,
Стоит на пражской мостовой
Заложник строгого приказа,
Стрелковой роты рядовой.

Он ничего не хочет видеть,
Он только слушает нутром,
Как люди могут ненавидеть
Тех, кто приходит не с добром...

И к автомату, к автомату

Прижата красная ладонь:
Нельзя раздумывать солдату,
Когда командуют: «Огонь!»

* * *

Пока шинель не в скатке –
Периной подо мной,
Приснись солдату сладкий
Сон с русской тишиной.
Пока между боями
Намечен интервал,
Пройдусь под тополями,
С какими возрастал.
Пока молчит угроза
Убитым быть в упор,
В село иду Морозово
Под белый косогор.
Пока враг в сопках прячется –
Кусается не зло,
Накинув шубу на плечи
Красуется село.
Пока не тащит смертушка
Солдата на ремне,
Целуй покрепче девушка
Хотя бы то во сне...

Потом уж по порядку –

И пули и шрапнель.
Я скручиваю в скатку
Волшебную шинель.

* * *

В парке Юлиуса Фучека
Разбойный живёт соловей,
Свищет и свищет научено,
Листья срывая с ветвей.

Прячу под каской головушку,
Страхом пронизан до пят:
Это свистит не соловушка –
Пули шальные свистят.

Свищут проклятые пули!
Чудо, судьба, подари:
Дай мне в ночном карауле
Выжить до новой зари.

Парк весь наполнится светом,
И замолчит соловей...
Только за час пред рассветом
Двух подстрелили парней.

В парке Юлиуса Фучека
Ночь на губах солона...
И ни единого лучика,

Ни одного соловья.

ОКОП

Сколько над Прагой звёзд –
Даже сержанту не счесть.
А на земле в полный рост
Лихо лютует месть...
К нам, что пришли, не просясь
Воли чужих людей,
Чтобы отстаивать власть
Наших московских вождей.

Ночью крадётся враг,
Грозный и хитрый как тать,
Значит, сквозь собственный страх
Надо прицельно стрелять.
Ночью стоят снайпера
В каждом безмолвном окне.
Строго ведётся игра,
Смерть повышая в цене.
Пули наискосок
С верхних летят этажей,
Чтобы ударить в висок
Или промежду ушей...

Днём же на шпилях домов

Красные флаги кричат.
И рядовой Иванов
Солнечных ловит зайчат.

Греет солдатский хребет.
Пот вытирает с лица.
Днём снайперов в Праге нет –
Пуля не тронет бойца.

Снова на отчий погост
Сплавил цинковый гроб.
Вот потому в полный рост
Роет боец свой окоп

* * *

Повоевали – хватит:
Не мясо на убой!
Пишу письмишко матери,
Чтоб знала, что живой.

И пусть, как встарь, тревожат
Солдата соловьи,
Нет ничего похожего
На то, что здесь бои.
Под пулями не ползаю
На брюхе, матерясь:
Вокруг – лесок берёзовый,
А в речке – сонный язь.

Пугать родню не надо мне:
Живём спокойно, мать!
Здесь, где цветы да ягоды,
Не станут убивать.
Полгода мне до «дембеля»,
А может, хватит дня...

Мелькнула тень за деревом –
Прицелилась в меня.
Давай стреляй, уродина,

Возьми точней прицел!
Письмо домой – на родину –
Отправить я успел.



СПАСИБО СКАЖУ Я И ЗВЕРЮ, И ПТИЦЕ...

РЕЧКА

Подскажи,
Сколько лет тебе, реченька?
Слышал я, что ещё прабабушка
Полоскала зарю в тебе вечером
И сушила её на камушках.

Но не гаснет твоё синеводие -
Родниковая полнится сила.
И назвать тебя можно лишь Родиной,
Лишь бы плёсы свои не гасила.

Я стою под весёлыми ветками
Твоего каменистого бережка.
Речка, речка моя бессмертная! -
Деревенская милая девушка.

* * *

Мир для меня почти что невесом -
Как будто в небе выкосили травы.
Вокруг меня лежит покой и сон,
И тихий свет лазоревой державы.
Моей Руси задумчивая тишь -
Дремотное природы изначалие,
Когда тревожишься,
и плачешь, и грустишь
О том, что лето птицы открывали.

В берёзовой аллее листопад.
Возможно, завтра поплывут дороги,
Ржаное поле унося в закат,
Оставив солнце на моём пороге.
И в зимний день мы чуда пожелаем,
Лютуют зря морозы - палачи,
На противне душистым караваем
Мы солнышко достанем из печи.

И будет в доме сытно и тепло,

Мы день-другой пребудем
в русском счастье,
Пока в село пути не замело,
И жизнь полна любви к нам и участия.

* * *

Что у сердца и памятью избрано
До последней обрывной строки,
То - село моё с красными избами -
Деревенские чудо-стихи.

Вот такой моя милая родина
И запомнилась мне навсегда.
Где лихое реки половодье -
На семь вёрст ледяная вода.
И к избе нашей, словно к пристани,
По воде этой лодка плыла.
Доносились до слуха, как выстрелы,
Торопливые взмахи весла...

Засмотрюсь в свою молодость-зареву:
Хоть давно половодье сошло,
Сядем с женушкой поразговаривать
Про моё и её село.
Как светили они огоньками
Всё же рядышком, всё ж не поврозь...

Пальцы девичьи уголками
Мне ладонь прожигали насквозь.

ДОЧКА

Тоскую по сестре
 в цветастом платице.
У нас в семье — лихие мальчиши —
Не поиграют в куклы, не расплачутся,
Бесстрашные, они в чулан не прячутся,
Но не хватает чуточку души.

Тоскую по сестре. Жду яблоч на столе.
Жду веточку весеннюю в стакане.
Ведь было так когда-то на Земле:
На семь богатырей одна сестра в семье,
Иль сразу две — с поэтом под Рязанью.

Тоскую по сестре. Пишу стихи сестре.
Смотрю, как лист разламывает почку.
Ещё не зная, в дальнем сентябре
Моя жена с улыбкой на заре

Роскошную подарит миру дочку.

* * *

Давно зерно сквозь пальцы не текло...
Я не забыл желтеющее поле,
И в городе мучительно до боли
Во сне я вижу родину - село.

Я вижу нашу русскую царицу:
Она войдёт в бревенчатый наш дом,
И детская душа моя струится
В ладони мамы чистым родничком.

А вслед за нею батин слышу голос:
- Вставай, сынок! Проспишь всю красоту.
И золотом налитый первый колос
Блеснёт в глаза за целую версту.

...Там и теперь в курных низовьях Дона,
Где небеса спокойны, широки,
Казачки царствуют, не добиваясь трона,
И государят вволю казаки.

Живут под Богом и творят добро.
И нет для них отрадной этой доли.
Я не забыл желтеющее поле -
И золото его, и серебро.

БЕРЁЗОВОЕ НЕБО

Всё началось классически с берёз
И до банальности почти благополучно,
Как будто бы из пачки папирос
Их извлекли и роздали поштучно.

Курите Русь до дымных облачков -
Нам не прожить без этих милых пятен.
И если ты из Ванек-дурачков,
Отечества дымок и сладок и приятен...
И вышел покурить я на крыльцо,
Вкусив любви, и молока, и хлеба.
Блаженное с веснушками лицо
Обращено в берёзовое небо.
Я полной грудью воздуха вдохнул
И заскучал... едва ли не заплакал.
Ну, вот и кончился мой жизненный загул!..
Недолго погулял мужик, однако...
Лишь покурил один разок иль два:

Теперь лежать в гробу мне, как в корыте.
И слышатся душевные слова:
«Поэта под берёзу положите!»

Струись дымком берёзовая Русь,
Живи, цветы над веком моим кратким!
Да, не бессмертны мы, но... пусть
Берёзы сок таким же будет сладким.

БЕЗДОРОЖЬЕ

По дождливой поре, по осени,
С речью званой — на посошок,
Завели меня в глушь и бросили,
Словно рыбину на песок.

Вот, мол, парень, твоё Отечество
И другого искать — не сыскать!
Что ж, подумалось, делать-то нечего:
Надо к Родине привыкать.

А вокруг — ни огня. Бездорожье.
Сердцу муторно. Перекрещусь.
И да здравствует наше безбожие!
И да славится наша Русь!

* * *

Село зовут Усолье.
Его зовут дурак.
Вот валенки спросонья
Не сыщет он никак.

В нелёгкую годину
В метельный беспокой
Послала мать детину
На речку за водой.

Идёт – счастливый, гордый.
Привет всем дуракам!
Звенят пустые вёдра,
Колотят по ногам.
Лихое нынче время
Огонь гудит в крови!
Шагай к реке, Емеля,
И щуку излови.
И, коль пымаешь диво
Такое на Руси,

Живи тогда счастливо,
Как Бог, на небеси.

Метёт позёмка в поле.
Идёт, поёт дурак.
Село зовут Усолье.
А может, и не так.

СТРЕЛОЧНИЦА

Полынь, крапива, лебеда
И крик доверчивой зорянки.
На этом тихом полустанке
Стоят недолго поезда.
Всего минуту и стоят,
Притормозив перед постройкой,
Приметив, что хозяйке бойкой
Давно уже за пятьдесят.
Осиротевшая душа!
Вся как-то выпрямится Клава,
Бежит вдоль длинного состава,
Казённой форменкой шурша.
Ей показалось снова вдруг:
Её окликнули по имени...
Вагоны те же красно-синие,
Колёсный тот же перестук.
И на мгновение это пусть —
Под каблуком взметнётся гравий,

И руки к ней протянет парень,
И крикнет весело: «Вернусь!»

Она ли в этом виновата,
Что так торопятся года?
Кричат, поют ей поезда
И всё проносятся куда-то.

* * *

Ну вот и встретился
с родней своей и домом.
Накрыли стол. Сидели допоздна.
И говорили с чувством и подъёмом
Мы о тебе, степная сторона.
Обычные сыны земли и неба,
Летающие на гибельный простор,
Вина попили и вкусили хлеба,
Но так и тянет душу под забор...
Улечься псом бродячим и голодным
И выть всю ночь на дикую луну.
Хоть так себя почувствовать свободным
И разлюбить родную сторону.
Ведь, если честно, гибельное место —
Мой русский дом... в сиреновом чаду.
Но говорить о том неинтересно
Из века в век такое на роду.

Нам позволяет вновь сентиментальность
Так искренне нахваливать тебя,
Что ты простишь святейшую нахальность

Любить тебя, нисколько не любя.

ПЕЙЗАЖ

Первейшим делом здесь крапива,
Чертополох и лопухи...
Посмотришь на небо счастливо —
Напишешь странные стихи.

Перед тобой твоя Россия!
Как сладко песенной душе,
Когда замшелая осина
Завязнет ножкой в камыше.
И крестишь лоб свой втихомолку,
И горд ты тем, что впопыхах,
Дойдя до дома по просёлку,
Пришёл родимый весь в репьях...
Твои стихи просты, знакомы,
Близки российской стороне.
И в них горбатые вороны
Сидят привычно на плетне.

Здесь люди водкой лечат хвори,

Крапивой парятся, дуря...
И в потаённом разговоре
Припомнят бога и царя.
В тех откровениях нелишний,
Ты вставишь меткое словцо.
И прыснет в бороду Всевышний,
С иконки высветив лицо.

Посмотрит на небо счастливо —
Похвалит дурня за стихи,
В которых ржавая крапива
Чертополох и лопухи...
Коровы, лошади и козы...
И степь ковыльная кругом...
И, разумеется, берёзы,
Что освещают русский дом.

ДЕРЕВНЯ БОГАТКА

Среди гор из ладоней распадка
Поднимается к небу дымок.
Хороша ты, деревня Богатка,
Потому что живёт в тебе Бог.

Хорошо в тебе красной рябине
И берёзе плескаться листвою...
Не по этой ли главной причине,
Что в тебе Он покуда живой!

И что мы — его кровные чада, —
Хоть и молимся Богу тайком,
Всё ж растём и мужаем, как надо,
Как положено — кровь с молоком...

Над Богаткой и ласточки выются,
И орёл величаво парит.
Словно чашка резная на блюде,
На пригорке церквушка стоит.

ПЛЯСУНЯ

Пляшут выюги в звёздном мареве —

Воют всякую напраслину.
Рождество в деревне справили,
Разошлись в сердцах на Власьевну.

Недопиты кружки с брагою —
Порассветилось за окнами.
Степанидин муж подмаргивал
Пьяным глазом ей с намёками.

Выбивала дробь сапожками,
В круг входила павой-птицею.
И смотрели бабы кошками:
Враз глаза-то ей повыцарапают.

Потому как дело правое!
Вдруг бабенкам не успеется
Окрестить её шалавою —
Незамужнюю соперницу.
Мол, дитя её нагулено —
От кого, лишь бесу ведомо,
Что пора давно «загульную»
Проучить деревне следует.

Закрывали плотно ставеньки,
С перепоя страшно злючие.

Мужиков попрятав валенки,
Двери намертво закрючили.

А она — плясунья Власьевна —
Тоже малость перегружена,
Улыбалась миру счастливо
И кормила сына ужином.

На лице курносом мальчика
Конопушки несерьёзные.
И дрожали ее пальчики,
И метель кружила звёздная.

СТАРИК СЕРАФИМ

Тёплый луч от высокого колоса,
Хлеб да соль, да заря на столе...
Говорит он неспешно, вполголоса
Обо всём, что живёт на земле.
О певунье застенчивой птахе,
О ползущем в траве мураше...

Просолённые потом рубахи
Серафиму всегда по душе.
Но не прост. И язык за зубами
Ты до случая попридержи:
Не с такими он стучался лбами
У крестьянской своей межи.
Хоть отличником будь института,
Хоть газеты до дыр зачитай —
Его жизни любая минута
Переполнит тебя через край.
Три войны прогремело под сердцем.
Он словами совсем оскудел.
Лишь соловушка новым коленцем
Веселит стариковский удел.
И село хлопотливое знает:
Не водилась неправда за ним.

Хлеб всегда на весу нарезает
Златокудрый старик Серафим.

ПРОСТОФИЛЯ

В кадрах старенького фильма,
Будто чудом сохранён,
Деревенский простофиля
Незапамятных времён.

А когда киномеханик
Фильм потешный докрутил,
Недокуренный чинарик
Я, волнуясь, докурил.
И подумал: хуже нету
Под ужимки и смешки
Угодить на киноленту
В расписные дураки.
Чтоб толкаясь и толкуя,
Вновь потешился народ:
Только в сказке Ваньке-дурню
Так бессовестно везёт.
И взяла за сердце жалость,
Шёл домой я, семена,
Простофилей не осталось
Кроме, кажется, меня.
Значит, тоже обворуют,
Затаскают, заплуют,
Разотрут...
Потом подуют
И по ветру разнесут.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТИХОТВОРЕЦ

Вот и ему от Бога вышла малость
Огня нездешнего пылающих небес,
Хотя, конечно, трудно рифмовалась
Жизнь мужика поэзии вдовес.
И всё-таки рождались в нём стихи.
И он, мой незабвенный прадед,
Говаривал:

— Слова сегодня ладят,
А не горланят, словно петухи.
Он сам не знал, зачем ему такое
Чудачество нескромное далось,
Ведь сызмала нагуливал сохою
Судьбу свою, и кровушку, и злость.
За ней он шёл по медленному кругу.
И губы пересохшие слюня,
Покрикивал рифмованную ругань,
Чтоб ободрить усталого коня.

Крутила мельница тугие жернова
И заливала низкую плотину.
Мужик, кряхтя, наваливал на спину
Земных трудов пудовые слова.
Но зуд стихов в душе его не гас,
Глаза сверкали весело-разбойно...

С загульной песней,
ярой и раздольной,
Вёз мужика мозолистый Пегас.

Конь судорожно втягивал бока
И, озираясь, начинал дивиться
Тому, как степь привольна-широка
И песня эта высока, как птица!
Он лишь однажды белой кобылице
Читал стихи простого мужика.
И кобылице нравились стихи —
Тянула воздух тёплыми ноздрями...

Назавтра вновь по самой зыбкой рани
Горланили в деревне петухи.

РУСЬ

Не в пустыне живу,
А в тебе,
 где не в ярости
С поднебесья в траву —
Чудо-яблоки...

И румяной щекой
Прикасаются в трепете
За пугливой рекой
Твои лепеты.

Я им верить привык,
Потому что доверчивый,
Но петлю на кадык
Не наверчивай.

Рано в трагики мне,
Поздно в комики.
Только скулы в огне
От оскомины.

Ты же клювом в плечо,
Словно павочка:
— Милый мой, ты про чо?
Кушай яблочко.

* * *

То нежны, то крикливы и грубы,
То по горло в грязи, то чисты.
Все мы — русские однолюбы,
И любовь наша, Родина, — ты.

Родничок ли пробьётся в овраге,
Лодка ль спрячется в камыши...
Чувство это не на бумаге —
В биографии каждой души.

Даже если набедокуришь —
Спишешь начисто собственный век,
Поразмыслишь потом да покуришь:
— Все же русский ты человек!

И в любви мы своей не предвзяты, Даже с
виду немного тихи,
Но едва подрастут пацанята,
Милой Родине пишут стихи.

Не поэты, но разве утерпишь,
Когда к горлу подступит комок,
Рассказать о забытой деревне,
Где тебя величали: «Сынок!»

* * *

Мне говорят:

— И проще и прочней,
Когда стихи из камня или брёвен.
Ведь ты мужик не голубых кровей,
А самой нашей красной, ярой крови.
И если любишь, так пиши «люблю»,
А разлюбил, то лучше без обмана...
И не ломай простую колею,
Идущую от русского Ивана.
Ты на восход пусти свою стрелу,
Лягушку принеси в избу в тряпице...
Тебе ведь даже к царскому послу
И в красный день вовеки не пробиться!
К чему тебе весь этот грустный блеф
Изысканной словесности богемной?
Пиши о тех, кто в поле растит хлеб
И кочегарит в чреве у Вселенной.
Ты не беги от этого огня.
Иным стихам цвести в оранжереях...
Допишешься — придёт твоя родня
И поколотит блудного, не пожалеет.

Я отвечаю:

— Так-то оно так!
Но мне, сермяжному, до скуки надоело
Писать о том, как жил Иван-дурак
И дураком остался до предела.

Я не хочу, чтоб ликовала знать,

Когда, почти что млея от восторга,
Который век мешу всем телом грязь,
Ища себе спасительного Бога.
Я не хочу восторженно гудеть
Возле лубочных ветхоньких избёнок
И наблюдать, как догоняет смерть
На паровоз бегущий жеребёнок...

Да, я, конечно, родом из людей
Простых и грубых, и обыкновенных...
Огонь мечты и боли их идей
Набрякшим током
бьются в моих венах.

* * *

Сова кричит. Волчица злая рыщет.

«Ах, Ворожки с ракитой —
Речушки сонной... там мне не найти!»

И ладушки! И уезжать не надо.
Смотри в окно, и слушай, и внимли:
Глазам и сердцу тихая отрада —
«Тьма тараканья» — гиблый край земли!
Кругом тайга. И ухари-медведи
Лежат на солнцепеке у двора.
И славно так подумашь: соседи!
И острие поправишь топора.
И на жену вертлявую прикрикнешь:
Мол, знаем вас — ни шагу за порог!

Разок-другой пером нешибко скрипнешь
И намусолишь чувственный стишок.

* * *

Пожалели корову и лошадь,
Бедолагу бездомного пса,

И плохих воробьёв, и хороших,
Окрыляющих небеса,
Журавлей... и залётную Настю —
Бесприданницу тихих страстей,
Опрокинули рюмку за счастье
Новорожденных к сроку детей.
Пожелали здоровья старушке,
Её мужу-фронтовику...

И взялись изготавливать пушки,
И стрелять, и рубить на скаку...
И губить полноводные реки,
Небо звёздное и Байкал.
Позаботились о Человеке,
Чтобы дела себе не искал...

На земле, мол, немало работы!
Ну, а коль что не так — потерпи,
А взбунтуешься — бросим на доты
С трёхлинеечкой в серой цепи...
И лети в журавлиной шинели
Окрылять над собой небеса...

И корову, и лошадь жалели
И худого бродячего пса.

ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ

Дела такие: поокрепнув сердцем,
Ударив лбом пред матушкой-Москвой,
Не сделавшись лихим переселенцем,
Я возвращаюсь всё-таки домой.
Возницы глаз скупой слезою сужен —
Презрительно нацелился в меня.
Ты прав, старик! В столице я не нужен!
Поторопи понурого коня.

И медленная шаткая подвода
Ползёт в мою родную глухомань.
Не вышел, а ушёл я из народа
Платить Москве непрошеную дань.
Себя потешил лишь столичной водкой
Да у дверей закрытых покурил...
- Стихи — товар сомнительный,
 неходкий! -
Давным-давно земляк так говорил.

И слава Богу, что ещё не поздно
За шиворот тащить себя домой.
Вдыхаю родины рябиновый я воздух
И чувствую: угар проходит мой.
Окрепшим сердцем Родину приемлю —
Я за столом её не лишний рот,
Вот посажу зерно в родную землю:
Душа согреется и снова прорастёт.

РАЗДУМЬЯ

Откуда взялись вы, тоска и сомненья

Насчёт неудачной судьбы, не пойму...
Ведь я не скрываю, что всё своё время
Живу я в деревне, в дремучем дому.
Тетрадка в линейку и авторучка,
И мягкое кресло из сенной трухи,
А главное, есть над окошечком тучка,
Откуда с дождём и приходят стихи.
И в тесных заботах,
и в помыслах честных,
В согласии с телом жила бы душа...
Я кликну лошадку, чтоб трогала с места
Размеренным шагом и шла не спеша.
На ней и поеду в родное Поволжье,
Чтоб ясным глазам открывались моим
Широкое поле и, милостью божьей,
Журавушки серые в грусти над ним.

И нету раздумьям о жизни предела:
Великий простор
для вселенской нужды,
Для вечного зова крестьянского дела —
Проложенной к сроку своей борозды.
Спасибо скажу я и зверю, и птице,
Берёзе, не сбитой весной под обрыв,
И женщине — в пояс! —
за то, что родился,

И верной земле — за то, что я жив.

Да, много ль надо? -
Душу при себе,
За всё иное я не беспокоюсь.
Встречай меня на утренней тропе —
Высоким небом, травами по пояс.
Я руки для объятий разомкну
И преклоню пред Родиной колени.
Прижмусь щекой к родимому окну
И вымолю великое прощение...
Хотя прощать не стоит подлеца,
Предавшего своё родное жито.
Стоит бурьян до самого крыльца,
И дверь крест-накрест плахами забита.

Когда ты умер, древний мой домок?
Когда отпет был хрипло петухами?
Неужто столько времени я мог
Князей московских потчевать стихами?
Когда из ада вырвалась душа?
Когда от дьявола она оборонилась?
Теперь мне по-саперски, не спеша,
Печь растопить —

из дома выгнать сырость...

Я слышу: завздыхал мой старый дом,
И стенами повёл, как бы плечами...
Ну что, старик, ещё мы поживём,
Ещё иконы высветим свечами!

Ещё свяжу я порванную нить
Родства и счастья в тихом доме отчем!..

Ещё не раз у Родины просить
Прощения и жизни, между прочим!..

Прости, село Улыбовка, меня!
Я так хочу в твои сынишки снова,
Чтоб надо мной, тихонечко звеня,
Поутру мамы восходило слово.

И вот уже колышутся мостки —
В реке вода торопится живая.
И зачернели белые виски,
И в сердце боль утихла ножевая.

СУМЕРКИ

Свари-ка, мать, картошечку «в мундире».

На стол, вельможную, ты щедро накати,
Чтоб дух её по городской квартире
Витал, как зримый ангел во плоти.
Полжизни мы такую не едали —
Всё резали да мяли ей бока,
Как будто Русь острожную едва ли
Любили мы, притом издавека...

Нет, мы взхлёб безумства хватанули
И лихолетья судеб под завяз.
И если в русском поле пели пули,
То напрямиком они летели в нас.
О, скольких мы оплакивали в голос,
Что кажется, и сами мы мертвы!
Ты в тридцать лет окрасила свой волос
В цвет шалой охры бодренькой вдовы.
А я ходил-бродил по пепелищу,
За теньями убитых семеня...
И не было отрадней в мире пищи —
Картошечки «в мундире» — для меня.
Но впрочем, дело вовсе не в картошке.
Беда в другом – российский неуют.
Как рыбий жир дистрофикам, по ложке
Нам счастье, как и прежде, выдают.

И чур бы с ним! В полуночном эфире

Там — за окном распелся соловей.
Давай-ка, мать, картошечку «в мундире»,
И не жалея о жизни, не жалея!
Мою сыновью ублажая прихоть,
Ты платье своё лучшее надень.
Когда ещё отпразднуем так лихо
Исконно русский сумрачный наш день...

* * *

Опять спешу преодолеть преграду
Муры житейской — вязких мелочей.
Жена ворчит:

— Ну никакого сладу!
Живёшь, как будто вовсе ты — ничей.

Супружница, какие пароходы,
Какие самолёты, поезда?
Невосполнимый кислород Свободы
Земные перекрыли мне года.
Вот бестолковая! Я никуда не еду.
Я буду дома, за полночь в тиши,
Копить в душе негромкую беседу
С великими собратьями души.

К большой волне я думы поверну —
На мелководье плохо мне и сирю.
Встречай, душа, высокую волну!
Быть может, бурю выпросишь у мира...
А там — как знать? —

гонимая в глуши,
Отпразднуешь и ты свою Победу.
И не заснуть под тихую беседу
С великими собратьями души.

* * *

И вовсе не осень печально,
Трезвоня прощальный набат,



Нельзя от ошибок и боли
Себя оградить мне уже.
Всё в мире, как прежде: и в поле,
И в небе, и в русской душе.

**ЧАСЫ
ОТКРОВЕНИЯ**

* * *

Меня насквозь продуло шалым ветром

Живу то в подвиге,
то в дерзости,
то в страхе
И кровью пот, и солью на рубахе...
Привычная мужицкая судьба —
Свободу звать с усердием раба.

Опять готовят плаху. Повод веский —

Народец плох: властям служить не хочет.
Угрюмый гений Федор Достоевский
России преступления пророчит, —
Тот самый эпилептик Петербурга
Из века моей бабушки Матрёны, —
В прозрении небесного недуга
В мою эпоху лезет беспардонно.

Ну как же так? Ведь мы почти спалили
Тракаты зла в двадцатое столетье!
Про всё, про всё мы с ним поговорили,
А он опять явился на рассвете.
Какой скандал! Мошенники, трущобы,
Вожди, жандармы, маленькие люди...
И это в дни, когда всего ещё бы
Шажок один — и в коммунизме будем.

Какой позор! Ведь делать надо что-то?
А то опять — старуху топором...
Во времена стремительного взлёта,
Что в сказке и опишешь и пером»

И сходят с рук восторженные дети,
И матери раскачивают небо,
Как колокол... Как хорошо на свете!

И никакого личного ущерба...
И я спешу допеть с надеждой дерзкой —

Себя услышать в самой светлой ноте...

Я жму Вам руку, Федор Достоевский,
За то, что к нам Вы больше не придёте.

МЕТЕЛЬ

День такой – метель напропалую,
Час такой – душа белым-бела.
Не понять, зачем ещё живу я,
Если жизнь давно моя прошла.
Да, она закончилась, и кто-то
Суетливо возится во мне.
Будто им проделана работа,
Что бессмертным свойственна вполне.

Может, он посланец – ангел Бога,
Чтимого Землёю в простоте?
Но ведь мне от этого немного
Радости в житейской суете.
То обрушит боль мне под лопатку,
Душу мою комкая в груди,
То возьмёт за горло мёртвой хваткой,
То ударит криком: «Пощади!!!»

Пощади! Тебе верну сполна я
Веру и надежду, и любовь...
День такой — гудит метель шальная!
Час такой — себе не прекословь!

СКОМОРОХ

Всё в этом мире сделано неплохо –
За длинной ночью следует рассвет.
Беду прожив, ждут люди скомороха,
Хотя по сути скоморохов нет.
Какая блажь в языческом кривлянии?
Но площадь не случается пуста,
И потрясает снова мироздание
Очередная выходка шута.

Толпа ликует, хлопает в ладоши,
Зовёт прилежно выйти на поклон.
Ей не понять, что он не скоморошит,
Про жизнь свою рассказывает он...

Как знать?
Взбунтуется однажды,
Начнёт толпе оказывать услугу
Моя душа — повеселит сограждан
И красным колесом
покатится по кругу.

РУССКАЯ ДУША

По могильным холмам —
по бескрайнему полю
Бродишь ты по Руси, неразлучна со мной...
И уже не понять: я ли попросту болен
Или ты родилась во мне прежде больной?
Что тебе не хватает — одежды иль пищи?
Гольшом ведь не ходишь и вроде б сыта.
Но неймётся тебе вновь взойти на кострище,
Словно жизнь на Земле — лишь одна суета.
Кто тебе напроорочил бессмертья в избытке?
Почему ты поверила в вечность свою?
Так зачем же тебе эти тихие пытки
Журавлиного крика в погибшем краю?..

Это всё не тебе. Даже если бы крылья,
Даже если на волю пустили: «Летай!»,
То нашлись бы злодеи —
тебя подстрелили —
И с небес ты низвергнешься в ад, а не в рай...
Вот тогда-то поймёшь — без особых наитий,
Что душа на Руси яко ада темней...

Мои добрые люди, меня схороните
И не ждите обратно из вечных огней.

ФАТАЛИСТ

Отходит от шумливого причала
Прогулочный весёлый пароход.
В руках цыгана скрипка зазвучала —
По кругу шляпа медленно плывёт.

Да, в этой жизни отдыха не будет!
Повеселюсь, казалось, с кондачка,
Но слушают расстроенные люди
Настроенную Исповедь смычка.

Монеты в шляпу мы, конечно, кинем
Мы исповедь души не оборвём,
Но так играют только на погибель...
И страшно мне быть рядом с игроком.

Мы все погибнем, музыку творя,
От мрачных душ, растраченных на водку...
Товарищ мне советовал не зря
Взять на прогулку весельную лодку.

На ней от всех сомнительных удач
Я уплыву на самый дикий берег.
Пока играет спившийся скрипач,
Мне его шляпу хочется примерить

* * *

Грустные строчки Рубцова —

Заводь угасшей души.
Пьяный сiju и пунцовый...
— Пьяный стихи не пиши, —
Молвит премудрая дама
В линзах тоскующих глаз.
Чья она, собственно, мама,
Чтобы воспитывать нас?
Хватит с неё... Почудила!
Бывшим детдомовцам — нам
Лбы поцелуем крестила...
Прятала в мрачный чулан.

Злая, седая старуха
Снова взялась за своё.
Только до чуткого уха
Имя доходит её.
Птицы бесшумные крылья —
Близкой весны благодать.
Зря ты так с нами, Россия! —
Дай мужикам погулять...
Все мы живём на пожаре -
Каждый сгорает в судьбе.
Может, лишь в пьяном угаре
Пишутся песни тебе.

БЕГЛЕЦ

Уходя, он хлопнул дверью,
Человеков проклял жизнь
Одомашненному зверю
Надоело кости грызть.
И без паспорта и денег
Он подался за Урал.
Нумерованный ошейник
Долго лапами сдирал.

И пропал в тайгу,
запрячась
От губительных времён,
Когда люди, насобачась,
Озверели, как и он.
И пришла удача к зверю
На безлюдную страну!
Он окреп и стал добрее
Выть и лаять на луну.
И от счастья даже плакал
Бывший раб и лиходея —
Пес единственный, однако,
Убежавший от людей.

* * *

Сан-Саныч, друг мой закадычный!

Сегодня мы с тобою «хороши»!
Но мне в застолье даже неприлично
Выплескивать хворобу из души.
Я понимаю: время нам досталось
Бедовое... Попридержи слюну!
Не доводи ты личную усталость
До степени неверия в страну.
Что нам с тобой словесная трясина? -
Она чинам-паскудникам сродни...
И вся на этом ягода-малина!
И наливай!.. За душу не тяни!..

Но ты опять, слюнявя папироску,
Ругаешь Сталина и всех за ним подряд....
Давненько плешь изъела всю прическу,
А ты в пророки лезешь наугад.
Хотя, скажу: и маленького «дела»
Ты не имел в те тяжкие года,
Когда рвалась, стреляла, сатанела
В людских сердцах великая беда.
И что тебе московская Бутырка
И зауральский призрачный кордон?!
Ты сам всегда, старательно и пылко,
Вышагивал под заревом знамён.

Не только ты — всё наше поколение

Залезло по уши в красивое дерьмо...
Россию смотрим по программе «Время»
Да иногда с подружками в кино.
И день проходит — бойкий, молоткастый,
И год — серпастый, словно напоказ...
И жизнь прошла с мучительной повязкой
На тихих углях отгоревших глаз.

Так что, Сан-Саныч, лучше уж пойду я
Домой... к жене... Гудит ведь голова!
Но дай тебя трехкратно расцелую
За все твои безгрешные слова.

* * *

Мне ещё иногда с дикой яблони пробовать
Удаётся плоды в захолустной глуши
И к берёзам России на белую проповедь
Не по службе ходить — по веленью души.

Да продлятся часы моего откровения!
Да никто не окликнет, не позовёт —
Ни лесничий в избытке служебного рвения,
И ни бог, и ни царь, и ни прочий народ.

Здесь вином не дурю. Не курю папиросы.
Никому не мешаю. Покойна душа.
Мне пройти захотелось (какие вопросы?)
По берёзовой роще совсем не спеша.

Поброжу-похожу по местам, по которым
Столковался вдали на обочине дня...
Вот пройдуся я берёзовым их коридором
И вернусь к вам окрепшим. Ударьте меня!

* * *

Мириады беснующих звёзд

На воде
у ночного причала.
Так обидно, ну прямо до слёз! —
Что опять ты меня не встречала.

Почешу у портового пса
Невесёлое впалое брюхо.
Где же ты загуляла, Краса,
Золотая моя молодуха?

Все с причала давно разошлись...
Как же муторно думать во мраке
Мне о том, что пропащая жизнь
У меня и портовой собаки.

Но вовек не узнает она —
Шелудивая псина — секрета,
Что опять не встречала страна
Одинокого в жизни поэта.

НА ЯРУ

Всего лишь заминка в вопросе:
Когда, отшумев, я умру,
Хотелось бы где-нибудь после
Берёзой стоять на яру.
Не зря же при жизни я верил,
Как Маугли в дикой любви,
Что вместе мы вышли на берег,
И я её брат по крови...

Среди своих лиственных братьев,
Среди белоствольных сестёр,
Как знать, не за мой ли характер
Меня волокут на костёр?
Ворочают красное тело,
Чтоб ярче пылало оно,
И чувствуешь: жизнь пролетела —
Душа-то истлела давно.
И голос Звезды своей слышишь
И тянешься к ней из огня:
— Зачем же не вырос ты выше?
Почто не дорос до меня?

Всё круче огонь, всё просторней!
И отвечаю легко:
— Да вот, понимаешь ли, корни
Не смог я пустить глубоко!

Войти в эту землю поглубже -
Своё отстоять бытиё...
И отдалённой и глуше
От жизни сознание моё.

* * *

Не люблю тишину и не верю отчаянно
безголосой волны у прибрежного камня.
Приходите ко мне, если даже печальны,
даже если случайно
в моём доме вы ищите пониманье.
Обнимайте до хруста,

годами не виделись будто.

Обо всём говорите

и песню хорошую спойте,
и оставьте на память стихи мне под утро,
чтобы верилось честно: поэты в почёте.
Не хочу быть иным.

Разве ж только отчаявшись,
в мире этом грохочущем глохну уже?
Вижу: падаю я,

волочусь по песчанику,
бечевою привязан к гружёной барже.

С каждым днем всё трудней мне
бурлацкое дело

—
свои песни слагать,

добиваться для них

пониманья,
чтобы душу вдохнуть снова в мёртвое тело
безголосой волны у прибрежного камня.

* * *

Нежатся под солнцем и жиреют
Тихие цветы в оранжереях.
Тихие слова не перепеты
Мучаются тихие поэты.

По служебным лестницам порхают —
Розовые крылышки легки.
А в России ветры не стихают,
И колотят в двери сквозняки.

В доме расшатались половицы,
В мире расплодился прохиндей,
И до дыр сумели износиться
Старые и новые идеи...

Ах, зачем так мучиться в ненастье
Над глотком лирической воды? —
Если у России на запястьях
Ржавые наручников следы.

* * *

Видимо, не раз ещё в бессилье
Наизнанку жизнь перевернём...
Лишь бы пребывала у России
Белая берёза под окном.
Свежую зализывая рану,
Унимая в теле злую дрожь,
Я в окно с тревогой снова гляну:
— Как ты там, стозвонная, живёшь?
Радует ли птичьим поселеньем,
Хоть давно непевчая пора?
Ведь грозился супостат с портфелем
Острием кровавым топора.
Липкую он тянет к тебе лапу,
Потому как глупый воробей
«Сделал дяде приговор на шляпу»
И ещё чирикал: «Вора бей!»

Вдруг и вправду «новый вождь»
 решится
Долю твою светлую сгубить?..
И кого тогда из любопытства
На Руси порубанной любить...

Для души истерзанной немало,
Чтоб под снегом, солнцем и дождём
У России тихо пребывала
Белая берёза под окном.

СОСТРАДАНИЕ

Они писали о любви
К России в заревом полёте...
А я просил:
— Не погуби!
Не дай погибнуть на болоте.
Меня засасывала хлябь.
И в эти страшные минуты
Молил я палача:
— Ослабь
На мне губительные пути!
Палач-кумач неумолим —
Он слыл великим краснобаем:
- Пройдёшь ты все - и Крым, и рым, -
Мы, как щенка, тебя удавим!

И он давил стальной рукой,
Господскую являя милость,
Чтоб никогда моей строкой
Любовь к Отчизне не сочилась.
И сквозь немыслимую боль
Во мне зарница полыхает.
И если это не Любовь,
Иной к России не бывает...

* * *

Может быть, за рубежом, отмеченным

Наступленьем скупости души,
Не бродить бы мне с мешком заплечным
Шатуном-поэтом по глуши.
К небу не тянуть с мольбою длани:
Я — не сын небес, земли греховной плоть...
Добрые российские мещане
Не возьмутся вилами колоть.

И допустят к сытому корытцу —
Чавкай хоть с министром наравне,
Если «свой», чего ж не потесниться —
Места всем достаточно вполне...
Потеснятся в должностях и креслах,
Дурочку сосватают: «Живи!» —
В полубовных русских интересах
На манер французский «се ля ви».
Чтоб она с заметною плетиною,
Да и я, лысеющий давно,
Дело бы затеяли мышиное —
Рубль к рублю, а к зёрнышку зерно.

Но опять мятежно и нетленно
Жжёт душа меня в моей ночи...
Расколю веселое полено —
Разожгу огонь в седой печи.

Пушкина достану с книжной полки
И склонюсь я к доброму огню.
И людские злые кривотолки
От огня святого прогоню.
И неспешно в печь-певунью выдую
Едкий дым дешёвых сигарет...
Самому себе я позавидую
За судьбу с названием «Поэт».

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Мчат тяжеловесные составы —
Мнут колёсами железную дорогу.
К ужасу несущейся державы
Тоже приобщаюсь понемногу.
Хлеб везут в вагонах или уголь,
Птичий гвалт иль дикий вой животный?..
Мну в кармане залежалый рублик,
Замерев у стрелки поворотной.
Я на рубль куплю себе билетик
Маленький, коричневый, картонный...
Кепочку сниму, скажу: «Приветик!»
Публике вагонной, полусонной.
То бишь, как вас? — свиньи, гуси... либо
Краснопёрки, бросившие реки...
Все мы звери, птицы, даже рыбы,
И совсем немного — человеки...
Так скажу
— Мне мало местной славы!
Перед всем хочу блеснуть я миром!
Стану я достойным пассажиром
К пропасти несущейся державы.

Мчат составы прямо в преисподнюю,
Не спросясь Земли, Небес и Бога. ...
Исполняет волюшку господнюю
Гулкая железная дорога.

СТРЕЛЬБИЩЕ

С болью натянулась тетива —
У стрелы кровавый наконечник.
Запылала разом терема
Моих предков весело-беспечных.
Тризну правят пришлые князья
Палачей всеядных эта тризна.
И по лицам сумрачным скользя,
Бродит красный Призрак коммунизма.
Прадед мой — крамольник, плут и тать,
В кабаке покусывая сало,
С пьяной дури, надо полагать,
Постигает смысл Интернационала.
— Зря ли, что ли, мы едим и пьем!? —
Завелась красивая мыслишка.

...Началось. Пошёл мужик с кольём
И поверил в счастье, как мальчишка.
И опять натянутая боль
Русского кровавого елца!
Сталину — на блюде хлеб и соль.
Ленину — жандарм у Мавзолея.

Началось. Взрывает тишину
Залихватский выкрик: «Аты-баты!»
Родичи — кто с песней на войну,
А иные — с думой в казематы.

Я пою Республику мою —

Становлюсь и преданней, и чище.
Кончилось. Совсем один стою,
Разгребая палкой пепелище.
Если что найду — сойду с ума! —
Ну хотя бы косточку от предка.
Ах, вы расписные терема!
Тетива натянутая крепко...

* * *

Нет маленьких несчастий...
Стою у дикой поймы
С убитой птицей на живой волне.
И если даже маленькие войны,
Ведь кто-то всё же гибнет на войне.

Судьба моя, не допускай
 вражды ненужной
И каждый выстрел строго береги.
И попытайся путь свой без оружия
Пройти,
 пусть даже есть у нас враги.

А если я забуду,
 то напомни
Мне о случившемся на маленькой войне,
Как я стоял в лугах у дикой поймы
С убитой птицей на живой волне.

* * *

Сюда лишь волкам да сохатым
Нестрашно бежать от стрелка,
И кажется чуть диковатым
Домок-теремок лесника.

Чашоба стоит непролазна —
Чудачества разные тут:
Вот рыжие белочки праздно
Лесные орешки грызут.

Росою осыплется ельник,
И старый медведь, словно в мёд,
Ткнет лапой в густой муравейник...
Потом эту лапу сосёт.

Но самое главное чудо:
Лесник мой заварит чаёк,
И тычется в ноги приبلуда —
Волчицы детёныш — волчок.

Но самое главное счастье:
В укор всем последышам — нам,
Он ваши стихи, как причастье,
В лесу подаёт глухарям,
И иволгам — солнечным птицам! —
Земли возвестившим рассвет...

И долго я буду дивиться
Тому, что лесник не поэт...

А впрочем, я тоже, сбежавший
От злобной корысти людской,
Брожу заповедною чащей,
Душе возвращая покой.

И сердце моё потеплевшее
К берёзе и к елочке льнёт.
И птица лесная безгрешная
Мне сладкую песню поёт.

РАСПУТИЦА

Подзавязла телега в колдобине —
Я в грязи утонул чуть не весь.
Ох, неужто в тебе, моя родина,
Только это и было, и есть?
Сколько мерзких ухабов? — не меряно...
Их по пальцам считать мудрено.
Да к тому же у старого мерина
Нету сил лошадиных давно.

Я стою с перекошенной скулою —
Злой и мрачный стою, словно тать.
Жаль, что с маху никак не придумаю,
Как покрепче тебя обругать.
Натворила ты дел, безобразина,
Среди тёмных весенних снегов.
Не пойму, с каких сил угораздило
Написать тебе столько стихов?!

Будто впрямь есть такое признание —
Сумасшествие в русской крови —
Выговаривать тихо признание
Тебе, родина, в вечной любви.

* * *

Захожу я в лесные покои —
В шелестящие думы ветвей —
Успокоить своё ретивое,
Отдохнуть от жестоких людей.
В сердце злая проходит обида...
Пусть на них мой растратился век,
Здесь, в лесу, мной почти позабыто,
Что я тоже чуть-чуть человек.
Не хочу я им быть. Не умею.
Царь небесный, ошибку исправь:
Заведи меня ночью в аллею
И навеки в ней кленом оставь...

Не желаю я с мельницей биться
И над золотом корпеть не хочу...
Каждый пятый на свете — убийца!
Каждый третий — идёт к палачу.
Так повсюду, куда б не податься...
Царь небесный, ошибку исправь!

И когда мне исполнится двадцать,
В чаще леса навеки оставь.

ЧЁРНЫЙ АНГЕЛ

Как монах, бормоча сам с собою,
Опустив молодые плеча,
Я побрёл по ковыльному зною,
Еле ноги свои волоча.
Сердцем я сатанел от бессилья
Я придумал восторженный стих:
«Ничего ты не любишь, Россия,—
Ни поэтов, ни песен своих!»
А когда я солгал так впервые,
Над собой покуражился всласть,
Я свалился в цветы полевые,
От гибели в них затаясь.
Я лежал под полуденным зноем.
И кричал мне с небес Серафим:
- Мы глаза тебе тихо закроем!
На груди твоей руки скрестим!
И тогда я восстал, поднатужась:
Под собою почувствовал твердь,
Но остался в душе моей ужас,
Так похожий на близкую смерть.

В этом ужасе ты виновата,
О России и правда, и ложь!..
Чёрный ангел с глазами заката,
Ну зачем ты за мною идёшь?

* * *

Обронил кто-то с неба звезду.
Может, ангел какой-то бродячий?
Знать бы только, не на беду,
Обронилась она на удачу.

Неизвестно, кто так мог дерзнуть,
Небеса оставляя без света.
И упала звезда мне на грудь,
И зажгла во мне сердце поэта.

В удивлении вскинулась бровь:
Ну теперь вся душа на закланье –
На лихую большую любовь
Загадать расстараюсь желанье.

Заживу на земле, как король,
Коронованный даром от Бога...
Но какую несносную боль
Ощущаю в груди от ожога.

* * *

И ни слуху, и ни духу...
Голосит метель-шалава.
Приложу ладошку к уху:
- Где ты бродишь, моя слава!

Не идёшь, не окликаешь -
Дела нет до мужичишки,
Для другого выпекаешь
Калачи свои да пышки.

Распахну я настежь двери -
Поздоровуюсь с метелью,
Огляжу свою деревню -
Вспомню сказку про Емелю.

И казалось, есть и печка,
За деревней выюга - злюка,
Но совсем иная речка,
А в реке другая щука.

Не поймаеть на халяву...
А поймаеть, толку нету:
Не везут на печке славу
К деревенскому поэту.



ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

* * *

Из забот и сутолоки быта
Целясь в небо иглами антенн,

Эта улица ничем не знаменита.
Здесь не жили Глинка и Шопен.
Не рожали тётки мировую славу.
Нотный стан творя средь тишины
Брать учились вовсе не октаву,
А зубило в руки пацаны.

Те, кому не нравилось железки,
Пальцы расшибая, колотить,
Брали в руки тихие стамески,
Прорубая песенную нить.
И гудели музыкально доски
Под рубанком
 в маленькой горсти.
И ломались тенора Козловских,
Песен не успевшие найти...

Когда утро красит небо синью,
К заводским шагают проходным
Рубенсы, Шекспиры, Поганини...
И любой из них не повторим.
Пусть их имена не украшают
Полные собрания томов –
С первых дней рождения вращают

Нашу землю руки мастеров...
Тех, что по-хозяйски

в жизнь тревожную
Вышли из неведомых пока
Тихих улиц,
Некогда заложенных
В городах российских
На века.

ПОЗДНИЙ СНЕГ

Из центра города бегу я, неприкаянный,
Подальше от престижной толкотни.
На сквозняковой городской окраине
Лежит, нетронутый и тайный,
Последний снег, как прожитые дни.

И я взойду на этот тайный снег,
И словно пёс, он руку мне оближет.
Такой уж я родился человек —
Одноэтажью сельскому я ближе.
Души не изменить мне и лица.
Иным не внять, насколько сердцу сладко,
Когда, заслышав пение скворца,
Шапчонку приподымешь для порядка.
И навестить спешишь ты, неприкаянный,
Музей зимы — метельность спящих дум.
Здесь в переулке, в доме самом крайнем,
Живут да поживают бабка Таня
И чайника состарившийся шум.
И воцарится тихое веселье —
Чаёк с медком до третьих петухов.
Глядит в окно на снег она рассеянно.
Бела скатёрка на столе кисейная.
Белым-белы глаза из-под очков.

* * *

Есть такая улочка в Саратове —

С тихим пухом душных тополят,
А ещё с лихими самокатами
Самых смелых в мире пацанят.
Там во власти солнечного плена
К окнам жмётся дикий виноград.
Старики на ней живут степенно:
Каждый, как профессор, бородат.
Вышивок и кружев мастерицы,
Бабки внукам сказки говорят.
И России серенькие птицы
Воровству не учат воробьят.
Девушки с коричневым загаром
Дышат зноем с головы до пят
Так, что ухажерам дерзким самым,
Словно кораблям, пристать велят...

Но не ради детства самокатного
И призывной красоты девчат
По особой улочке Саратова
Мои ноги вечером пылят.
По житейской и простой причине
По-сыновьи улочку люблю:
Здесь, в её глубинной сердцевине,
Навещаю матушку свою.

* * *

На улице Свинцовой -

На улице грачей -
Стучат опять подковы
Гривастых тягачей.
Подковами прокована,
В пыли проторена -
Знакомая, знакомая
Дорога у окна.

И мне чуть-чуть поверится,
Что выпал день такой,
В котором пахнет клевером
И скошенной травой.
Тропиночками теми же
Пройдусь - не мудрено...
И принесу я с Терешки
Полнёхонько ведро, -
По самой пыльной улице,
Прохожего тесня...
И кликну Ильёй Муромцем
Былинного коня.
Красавец конь! Но с норовом -
Весь выкрашен огнём,
Но очень, братцы, здорово
Проехаться на нём!
Минуты счастья краткие...
И хоть боюсь слегка —

Стучу отважно пятками
В упругие бока...

На улице Свинцовой -
На улице грачей -
Стучат опять подковы
Гривастых тягачей.
И в этой кавалькаде -
Конь, меченый клеймом,
С телегою не ладит
Весь выкрашен огнём.
Слезит глазами карими -
Я знаю почему,
Как вместе воевали мы,
Запомнилось ему.

* * *

Эту девочку с плачущей скрипкой,
Со слезами зарёванных глаз
Обучали музыке хлипкой
Не от мира сего, не для нас.

Пацаны хипповали в подъезде -
Признавали лишь только «битлов».
А скрипачка потеряна в бездне -
В музыкальной шкатулке без слов.

Вроде той же ходила улицей...
Но вот выглянешь из окна:
Зачехлённой в футляре мумией
Мимо нас проходила она.

Мимо нас проходить ей по жизни
По линейкам скомканных нот,
Где Чайковские и Паганини
И другой недоступный народ.

Не затем мы проспекты утюжим
С разбитными девчонками... Ах!
Ну, а ей пусть становится мужем
Иоганн Себастьянович Бах.

* * *

Возле «Липок» - городского сада –
Сонные старинные дома –
С золотым тиснением тома,
Но читать их заново не надо.
Серые истлевшие страницы ...
Тронешь, и рассыплются в руках:
В сорванных сиреневых цветах
Жизнь ветхозаветная пылится.

В ней живёт Макарова Настёна
В домике вечернего огня,
Тайно окрестившая меня
На правах Христового закона.
Эту тайну мне хранить до срока...
На Руси двадцатый Красный век:
Космос покоряет человек
И читает Ленина и Блока.

Но опять отчаянно – случайно
Возле «Липок» шаг свой придержу
И пройду, как будто по ножу,
К крёстной своей матушке печальной.

Восковыми пахнет здесь свечами,
Сдобой Пасхи – угощеньем впрок.
Светится старушка-образок
Чистыми небесными очами.

* * *

Катит, катит по жизни трамвай,
Зацепившись за край небосвода:
Мол, живи и себя постигай
В тесной давке шального народа.
То рутина в делах, то аврал...
Бытовщина вконец измотала:
От завода, как лошадь, устал,
Нудным дням – ни конца, ни начала...
Что-то суетно стало в миру...
На неспешную тянет беседу:
После пятницы к дядьке Петру
Обязательно в гости заеду.

Дядька Пётр, словно царь, деловит –
Он от бога и столяр, и плотник:
Третий год для меня мастерит
Быстроходный под парусом ботик.
Он готов целый выстроить флот
Пароходам стальным на потеху...
Дядька царской мечтою живёт,
И надеюсь, что близок к успеху...

Стружкой пахнет и пахнет смолой,
Лесом пахнет и чуточку морем.
Тихо в дрёму клонюсь головой,
Надышавшись целебным настоем.

* * *

По-грузински поёт водопад
В тесной будочке на фотографии.

* * *

Если вы на трамвае поедете

Мимо парка в вечерний час,
В белом мраморе гуси-лебеди
Дивной сказкой окликнут вас.

Сказка в том, что сиротам-уродцам
Выпадает порой благодать,
Чтоб однажды под яростным солнцем
Лебедями прекрасными стать.

Даже если себя вы представите
В этом мире средь гадких утят...
Вновь покажется: с озера – с заводи –
Лебединые крики взлетят.

И тогда вы гоготом радостным
В этом парке взорвёте тьму.
Чудеса, что придумал Андерсен
Не дано погубить никому.

Пусть всегда в тихом утреннем мареве,
Нашим душам неся благодать,
Будут лебеди в вечном мраморе
Нас, не верящих сказкам, встречать.

* * *

Не изменить проторенный маршрут,
Но, может быть, опять проеду мимо...
На улице полярников цветут
Чудовищные запахи жасмина.

Нахальная и глупая сирень
Во всех дворах дворянствует в излишке.
И по весне, как говорится, всклень
Разбрызганы по веткам воробышки.

Я не люблю и не могу терпеть
Дышать сиреневым губительным угаром.
Мне не чирикать здесь
и соловьём не петь,
Жасминным не питать себя нектаром.

Зачем же ты, трамвай, притормозил,
Чтоб я сошёл на этой остановке?
Ну, что ж, парнишка, двигай в магазин:
Купи конфет в красивой упаковке.

И в завершение пакости сполна
Устрой себе сомнительную радость:
Купи бутылку крепкого вина
И влей в себя живительную влагу...

Даря душе весёлый обогрев,

Освободивших от душевных рубищ,
Лишь только так, душою просветлев,
Ты ближнего и дальнего полюбишь...

И изменять не следует маршрут,
А то тогда и впрямь проеду мимо...
На улице полярников цветут
Волшебные созвездия жасмина.

И мне ухмылка пьяная к лицу –
Я с ней по улице челюскинцев шагаю.
Мой пробил час: пора зайти к отцу
И к сводному братишке Николаю...

* * *

Уехал цирк, а может быть – исчез:
На всё срока имеются и мера.
Был молод я – видать, попутал бес
И глупые мечтанья Гулливера.

Но так и хочется за столик мне присесть
И бросить взгляд нахальный, молодецкий
На девушку из дома № 6,
Что в трёх шагах на улице Советской.

* * *

Фонарь на Белоглинской

Пронизывает мрак.
Гадливый исполинский
Змеёй ползёт овраг.
Трамвайный смол селектор –
Не до огласки тут:
Овражный частный сектор –
Татары здесь живут.
Угрюмые и злые,
Не дать-не взять – орда.
Во времена былые
Зорили города.
Пожарами пытали
К Москве разбойный путь,
Топтали копытами
Мою мордву и чудь.
Но есть во мне отвага:
- А ну, трамвайчик, стой!
Я выйду у оврага
Иных времён герой.
Пойду проулком мгlistым,
Приблизившись к окну,
И вызову я свистом
Татарскую княжну.
Догадка сердце нежит –
Себе я добрый льстец:
Иль голову отрежут,
Иль женят, наконец.

* * *

Цветною нитью мулине искусно
В туманных утрах вышита заря,
Но даже в полдень пасмурно и грустно
На улочке Тараса-кобзаря.
И тяжело и странно для поэта
В его отнюдь не солнечной судьбе
Взирать сегодня чинно с постамента
На особняк острожный КГБе.
Вот почему так грустно бабке Зине
И сумеречно сердцу моему
Цветы живые приносить в корзине
К печальному и скорбному – ему.

О внуке собственном тревожится старуха:
Ровесник мой, он сгинул в Воркуте,
И от него ни слуха и ни духа –
Писал стихи он, видимо, не те...
Как и Тарас, он времени не в милость –
Не любят вольнодумцев на земле...
И вновь державно в мире повторилось:
Поэт – в неволе, памятник – во мгле.

Старуха памятник пытается бесновато,
А я знаменье крестное творю:
Быть может, проболтались супостаты
О сгинувшем поэте кобзарю.

Прислушаюсь к старушечьим я бредням:
И что-то проясню в своей судьбе
О первом вольнодумце и последнем,
А дальше – мрак: лишь зданье КГБе.

* * *

Под вечер, в скверике, в часу шестом
Её я встретил на 2-ой Садовой –
Посудомойщицу из заводской столовой,
Мне показалось, в нимбе золотом.
Наверно, солнце заплело лучи
Вокруг головки в форме диадемы...
Я шёл домой, уставший, после смены –
Я на заводе делал кирпичи.
Работа скверная –

сплошной здоровью вред,
Но за неё мне хорошо платили...
А тут такое чудо в ретро-стиле! –
Полубогиня, источающая свет.
И, оробев, я опустил свой взгляд.
И свет в глазах угас, как бы в окошках.
О, женщина!.. в резиновых сапожках,
А я-то думал – туфельки парят...
Вот так меня ударили кнутом,
Когда я встретил на 2-ой Садовой
Посудомойщицу из заводской столовой,
Мне показалось, в нимбе золотом...
И стал мне свет оранжевый не мил.
Я был исполнен мести и отваги:
На Кировском в большом универмаге
Античной женщине я туфельки купил.

И мы сидели в скверике, тихи...
Мне нравилась судьбы метаморфоза,
В которой славно рифмовалась проза,
Похожая немного на стихи.

* * *

Не уточняя дату,

И не ведя годам суровый счёт,
Я говорю тебе: «Когда-то
Пусть непременно всё ж произойдёт
Свиданье наше в доме на Свинцовой -
У гулкового трамвайного кольца,
Где так давно счастливые подковы
Звенели на копытах жеребца...»

Катила улицей цыганская кибитка.
И женщина, черней, чем чёрный цвет,
Червонец выманив, устроила мне пытку,
Что из меня получится поэт...
Что я прослаблю городок районный
И стольный град России покорю...
И я стоял, обманом покорённый,
Как будто приведённый к алтарю.
... И не пришёл к тебе я на свидание -
Я бросился в обманчивый простор...
И всё оно - гадливое гаданье
Цыганки пёстрой, словно мухомор.
Вот почему, не уточняя дату
И не ведя годам давно подсчёт,
Он говорю тебе: «Когда-то
Пусть эта встреча всё ж произойдёт...»
И большего, судьба, не пожелай!
Уложишь спать ты мужа и сынишку,

Достанешь с полки тоненькую книжку...
И прозвенит за окнами трамвай».

* * *

Если б глупая псина к весне не линяла
И при встрече со мной подавала бы лапу,
А потом бы не грызла клочок одеяла
И мою подгулявшую к вечеру шляпу.
Если б только она не была любопытна —
Не крутилась бы вечно с женой у стола, —
Почему бы не взять мне её под защиту?..
Мне хорошие хочется делать дела!
Среди такс и болонок, и пуделей всяких,
Напоказ выставляющих праздную злость,
Молчаливой, печальной бродячей собаке
Возле обуви пыльной местечко б нашлось.

И собака бежала, за нашим трамваем.

Рыжей вспышкой надежды

в метельном снегу.

- Ничего, мой дружище, мы лучше бываем! -

Мне собаке бы крикнуть, но я не могу.

Отзвенел наш трамвай, и пропала собака.

Только зря со словами затеял возню.

- Неплохие стихи, - мне заметил редактор, -

Но концовки в них нет. Без неё не возьму.

Да, конечно, он прав – этот мудрый очкарик!

И на красные уши надвинул я шляпу.

И собаку нашёл. И назвал её Шарик.

И пожал её рыжую добрую лапу.

О такой бедолаге дочурка мечтала,
А собака девчонку такую ждала...
А потом она грызла клочок одеяла,
И стихи воровала мои со стола.

ОСТАНОВКА «КОНЕЧНАЯ»

Завершён удачливый маршрут,
Смысла нет в обратном направлении.
Храм Христа. И, значит, нужно тут
Опустить тихо на колени.
Рядом с ним музейный особняк –
Таинство истории и славы.
Я свечу поставлю за пятак
За покой и здравие державы.

Перед вечным Временем склоню
Голову, присыпанную снегом,
Душу от грехов обороною,
Воедино слившись с русским небом.
И грехи неспешно замоля,
Превращусь в лихого ротозея:
Огляжу былинные поля
В древнем краеведческом музее.
Прикоснусь я к ратному мечу
С озорством весёлого мальчишки
И отмечу: князь мне по плечу...
Вовсе не Добрынюшка из книжки.
Мы не мельче на родной Руси...
В пух и прах мы ворогов изрубим,
На земле и там – на небеси
Чтим своё Отечество и любим.

...Крутится веков веретено,

Я его в музее только видел...
Но звучит – красиво, и оно
На меня за это не в обиде.

* * *

Вечер грусти на грудь принимая,
С обязательным пивом к лещу,

Завершаю стихи о трамвае
И о юности горько грущу.
Так, наверно, крестясь на иконку,
Памятуя о божьем рабе,
Отпевал легендарную конку
Пращур мой в безответной мольбе.
А доселе – ретивых «почтовых»
И другой на Руси эстафет...
Мимо трактов асфальтовых новых,
Где торят «мерсы» сказочный след.

Вон дорогу буравит «Икарус»,
Подрезает «Калину» «Рено»...
Отбелел наш мятущийся парус,
Да и буря утихла давно.
Нас — отпевших! – давно не слышали,
А услышат — так это не в счёт:
Не надейтесь: в погибшем трамвае
Вам местечка никто не найдёт.

Улыбнусь поэтическим бредням
Оглянусь — незнакомая Русь!
Я бегу за трамваем последним
И за сердце тревожно держусь.

СКРИПАЧ

В частном домике на Панкратинской,
После множества неудач,
У Марии - вдовы покладистой
Мужичок объявился скрипач.
Бледным ликом в окне белеющий —
Миру здешнему в полуанфас,
Ничегошеньки не умеющий,
Кроме музыки не для нас...
И терпели мы муки великие!
И топорщились кулаки!
Доконало нас это пиликанье
У портовой гудящей реки.
И в заботах простых да малых
Речники не сдружились с ним:
Ведь ходили в «профессионалах»
Боцман Федор и мичман Максим.
На трёхрядной лихой гармонике
Гордо город им славу звенел...
На Панкратинской в частном домике
С потолка осыпался мел.
И дрожали рамы оконные.
И решался скрипач на скандал —
Как он пальцами удлинёнными
Горло глохнувшей скрипке зажал!

Непривычно притишила улица —
Смолкла в домике бранная речь.
И счастливая Марья - паскудница
Скрипку звонкую тиснула в печь.

МУЖСКАЯ ОЧЕРЕДЬ

В упоенье радостном, счастливом
Родилась великая строка:
«Очередь за водкой и за пивом
Создана в России на века!»
Могут кануть в Лету все напасти,
Измениться климат, даже власть...
Русским мужикам оставьте счастье —
Лезть к прилавку, дико матерясь.
Пусть всё будет: пот в четыре града,
Кулаки весомые — в бока...
Велика запойная отрада
Вышибать из строя слабака!

В очереди он — самый тихий дядя.
Посмотреть как будто неживой...
Да такого можно и не глядя
Уложить на грязной мостовой!..
Но дошёл, пробился он к окошку
И сказал кому-то наугад:
— Подержи-ка, парень, эту плошку.
Я бы сам, но нечем... Так-то, брат!
Тусклым светом вспыхнули медали,
Высветив окошечка экран...
Лишь чужие пальцы согревали
Недопитой горечи стакан.

ВЕРКА

Этой ночью Верка удавилась
На верёвке бельевой с балкона.
Но не стоит разводить нам сырость —
Людам из железа и бетона.
Так решили мы — её соседи:
— Дура дурой! Пиковая дама!
Знали все, что хахаль Веркин съедет...
Говорили ей об этом прямо.
А она всё верила, простушка,
Бегала на пристань к пароходам.
Эх, была ты, Верка, как игрушка
На три дня с коротеньким заводом.

Плотнички дымок струили едкий
Сотворили гробик полупьяно.
Ах, Верунька, день сегодня редкий,
Словно бы с картины Левитана!
Голубыми красками разбрызган:
Голубые — лес, слеза и поле...
Разве можно так уйти из жизни? —
Невозможно даже с перепоя!..
И кого, зачем ты захотела
Удивить на долбанной Петровке?
Назначалось: в полдень вынос тела,
И поминки в заводской столовке.

И когда от водки стало жарко,

Сытно от блинов на маргарине,
Хоть нам было Верку очень жалко,
Мы о Верке мало говорили.
Лишь один, какой-то непутёвый,
Тёр виски дрожащею ладонью,
А потом в моей рубашке новой,
Как всегда остался в моём доме.

Он смотрел зеркальным отраженьем
На меня, ночным сияньем залит.
Верку он любил до униженья,
Но она об этом не узнает.
Потому как в повседневном гуле
В жизнь умчимся мы опять верхами.
Хорошо мы Верку помянули —
Разошлись лишь только с петухами.

* * *

На краю одичавшего мира

Голубей и бездомных собак
Поднимался парок от чифиря,
И курился дешёвый табак.
И цедил тот напиток весёлый,
Словно богом каким осяян,
Бывший зек по кликухе Палёный -
Мой ровесник и кореш Колян.
Паренёк непривычного лоска:
«Парень в кепке и зуб золотой»...
И дымилась его папироска
На тарелке с остывшей едой.
И гитара надрывно звенела.
Плакал зек и о Родине пел.
И какое нам, собственно, дело,
За какие грехи он сидел?!

Не для пьяного злого угара,
А затем, чтоб простились грехи,
Он Есенина пел под гитару,
За свои выдавая стихи.

СВИДАНИЕ

Привокзальная площадь.
Скамейка.
Поздняя осень.
Стрелка часов на циферке
«Восемь».
На нём новенькая телогрейка,
Комковатая шапка,
Упавшая оземь.

Он вернулся оттуда —
Из таёжного края...
Худой и болезный,
Желваками играя,
И веря чуть в чудо,
Он назначил ей встречу...
Он стоял перед бездной.
Не в грехах ли покаяться,
Слушая
 осень опустошения?
Может,
Есть что за душами
Не услышанное,
Чем окупаются
И его, и её прегрешения?..

Но они знают:
Так надо!
Иначе сорвутся в пропасть,

Где одни лишь
Обман и тоска...
Солнце медленно
Выкатилось,
Подпалив облака.
К солнцу древнему
Вытянулась
С татуировкой рука...

И пока
Не пришли холода
Навсегда,
Им вместе хочется
Быть светлее —
В одиночестве,
И добрее друг к другу
Осенью хочется...
Даже там, где,
Казалось,
Нет места рядом,
Ощущаешь взгляды
Чужого счастья...
Листья тихо
В окна стучатся.
Играют скрипичные ночи.

Разделенные годами
И всем тем,
Что зовётся «прочие»,

Величается словом
«Беда!»
Они молча
Сидят на скамейке:
Слушают уходящие поезда.

ТЕРЕМ

В этом тереме водку и кофе
Предлагает клиенту под утро
Одинокaя женщина Софья -
Матерщинница и проститутка.
И ещё в этом доме когда-то
Обжилась, как чужая планета,
Небольшая для дочкИ кроватька
На полоске оконного света.
И стояла она на веранде.
Виновато дрожащие пальцы
Кошку рыжую, пухлую гладят
На цветастом её одеяльце.
Кошка нежную песню мурлычет —
Кошка счастлива без утайки.
Дела нет ей до вредных привычек
И бразильского кофе хозяйки.
И не нужно ей знать, лежебоке,
Наплодившей котят немало,
Что давно в этот терем высокий
«Клиентура» не поступала.

ДВЕ СУДЬБЫ

Музыка старинная. Мука пианинная.
Вальс сентиментальный в комнате звучит.
Мамочка красивая, только несчастливая!-
Девочка не плачет... девочка молчит.
Узенькие щелочки - грустные глазёночки
Выстрелят в оконце: белый свет не мил -
Лютый он - прелютый в сапоги обутый
В те, в которых дядька к маме приходил...
Ничего хорошего. Лишь слеза с горошину
Катится по детской розовой щеке.
Мама полуголая, пьяная, весёлая...
Дым табачный кольцами... рюмочка в руке...

Завтра протрезвевшая в окнах занавешенных
Оборвётся музыка скомканной любви.
Скажет дочке женщина желтая и желчная:
- Дядю Колю папой больше не зови!
И опять вдвоём они в затемненной комнате
Судьбы одинокие станут коротать...
С куклами-матрёшками с тихими окошками...
Две родные женщины: девочка и мать...

Доченька Алёнушка к маме,
словно к солнышку.

Сердце колокольчиком в девочке звенит.
Музыка старинная. Мука пианинная.
Вальс sentimentalный на земле звучит

* * *

Мой друг живёт, примерно, так:
Проводит день в похмельной дреме,

Приходит вечер — он в кабак,
Затем в чужом трезвеет доме.
И он ужасен, словно зверь...
Чужая женщина, чужая,
Привычно голая и злая,
Его вытискивает в дверь.

Ко мне приходит: «Как дела?»
На нас с женою смотрит хмуро:
Ведь от него ушла жена,
Четыре года, как ушла,
К хлыщу прыщавому... Вот дура!
Идти боится друг домой,
А то и впрямь тогда напьётся.
Который год товарищ мой
Ждёт, когда женщина вернется.
И всякий раз он врёт, чудак,
Мне — недогадливому вроде,
Как он при галстучке — в кабак,
Где баб, что редьки в огороде.

* * *

Октябрьский праздник.

Глухая осень.
Дожди — на сердце.
Дожди — в бору.
Жизнь такова, что, если спросят,
На хлеб насущный не наберу.
А тут ещё в соседях драма:
Дурная карта легла не в масть —
Не «козырная» старушка-мама
У дочки в городе не прижилась.
Прощальный ужин дают старухе —
В платочке белом, как в церкви, мать...
Вручили ей «шестёрку» в руки
Поспешных сроков, чтоб уезжать.
Вот завершение постыдной сделки:
Уговорили — дом продала...
Глазёнки зятя, как бисер мелкий —
«Жигуль» у дома... и все дела.
Лицо старухи покрыли пятна:
Ей стыдно очень на мир смотреть...
Как будто стало вдруг всем понятно —
Настали сроки ей умереть...
Старушку тянет в места родные,
Где голубые растут цветы,
И, слава богу, что не стальные
Там деревянные молчат кресты.

Мне дела нет до стервы-дочки.
Мне жаль старуху, себя в миру...
На стих прощальный скупые строчки,
Не торопясь, я соберу.

МУЖСКИЕ РИФМЫ

...А было так. В бараке №6
На крыше погромывала жечь,
И через стенку женщина визжала...
И хоть всю ночь дышала жаром печь,
Но стоило ему на миг прилечь,
Тепло барачное бесследно исчезало.
И надо человеку вновь вставать.
Скрипела холостяцкая кровать
Он принимался снова за растопку.
Окно звенело. Скорый поезд шёл.
На трёх ногах пошатывался стол.
Грозя спихнуть пустую сковородку.
Ночное время было рифмовать.
Он раскрывал заветную тетрадь
С хорошими и добрыми стихами.
В них было все: Россия и село...
Застенчиво он улыбался и светло,
Читал стихи визгливой этой даме.
А женщине — и пьяно, и смешно...
Она пила дешёвое вино,
Верней «отраву» местного разлива.
Не все поэты дрянь такую пьют.
Но он из тех, которых часто бьют...
Ему плевать!.. И это справедливо.
Он будет печь топить и пить вино,
Смотреть в ночное страшное окно.

Какая мгла и ужас в снегопаде!

И прежний мир давно необратим:
Всё кончено – России нету с ним,
Вернее той, которая в тетради.

АРКАША

Снова ночь бессонницей измерю,
Заглянув в губительный стакан.
На полоску света из-под двери
Выполз полуночник-таракан.

Говорю ему почти по-царски:
- Заходи и пей со мной вино!
Только помни: в нашем государстве
Всех вас истребить предрешено.
Так же, как и братьев твоих прочих —
Пауков, клопов и муравьёв,
В общем, всех, кто выглядит «не очень»
В свете государственных основ».

То-то, вижу, скок твой тараканий
С прошлой ночи как-то поутих:
Видно, у соседа натолкали —
Дали в челюсть, врезали под дых.
Ну да ладно. Я ли что ли гладок?
Не прими за пьяненькую лесть
Я и ты не вписаны в «порядок»...
Сколько биты что уже не счесть!
А за что? И сам того не знаю.
Только чую: жить не вмоготу,
И всё чаще в щели заползаю,
Чтобы не маячить на свету.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Степаныч — странный человек.

С пяти утра до девяти

Скребёт на улице он снег,

И это каждый день почти.

В России снег лежит – велик.

Вовсю старается мужик,

Чтоб проявлялась на асфальте

Скупая сеточка морщин,

Как у таких же

в государстве

В нужде стареющих мужчин —

Вдовцов что тянут жизни срок,

И просто тех, кто одинок.

Да разве можно так некстати

Немолодые силы тратить?

Ведь трижды ранен, белый весь!

Инфаркт повторный под вопросом

...К тому же дворник Клавка есть —

Бабёнка с вечной папиросой...

Глаза с чудинкою раскосой.

И ей к лицу и в аккурат

Солдатский стеганный бушлат.

Виляет бедрами девица.

Хоть не красавица она,

Опять к Степанычу теснится —

Сегодня женщина пьяна.

Но гонит прочь ее старик:
От женской ласки он отвык.
Он ей сказал:

- Ты молода!

Ещё наладишь жизнь свою...
А я вот, знаешь, в холода
И по ночам совсем не сплю.

Степаныч – мудрый аксакал,
Зачем ты женщину прогнал?! —
Когда старейший вовсе пёс,
Коль не почил пока он в бозе,
Прикрыв хвостом горячий нос,
Храпит для виду на морозе...
Но если время грянет случки,
Последней не упустит сучки!..

Но улыбается мой дед:
Собаке слишком мало лет!..
Он лишь спросил:
— А твой отец
По части сна, конечно, — спец?!
Огнём лицо мне залил стыд:
- Не знаю... кажется, не спит.

Гляжу с тревогой я во тьму:
Не спится батьке моему —
Он тоже странный человек...
Лежит в России старый снег.

УТИЦА

На Руси знакомое кино:
В каждом доме то скандал, то пьянка.
Но понять умом мне не дано:
Выпускница школы - наркоманка...

Ах, Наташка! К звёздам ты летишь
Утицей в погибельном дурмане:
Курят небеса твои гашиш,
Ангелы поют тебе в тумане.
И коснёшься звёздных ты вершин -
Твои крылья в небе обгорели.
И султан небесный Героин
Место застолбит тебе в гареме.
Но когда закончится полёт,
Встретит тебя мама в платье чёрном.
Ведь она почти с ума сойдёт
Средь людей под смертным приговором.
Вот такие, девонька, дела!
Зря ты к звёздам мертвенным летала:
Белые сожгут твои крыла,
И не будет выпускного бала...
Вновь душа бессмертная твоя
Задрожит на кончике иголки.

... Побежала в школу ребятня -
Добрые и светлые иконки.

* * *

Всю ночь душа - как будто наизнанку...

Всю ночь в окно моё смотрела смерть...
Подумаешь, убили наркоманку?!
И - правильно! И нечего жалеть...
Там - далеко - у самого начала
Я наблюдал из нашего окна:
Девчонка куклу на руках качала
И лепетала песенку она.
Я наблюдал младенческие игры.
Я говорил:

- Ты, дядька, не ворчи! -

Когда она, ладошкой ковшик выгнув,
В песочнице лепила куличи.
Я видел всё. Я ничего не видел.
Я не заметил, старый дуралей,
Как пьяный отчим люто ненавидел
Всех её кукол - маленьких друзей.
Как мать её давно не замечала -
Она её на улицу гнала.
Там - далеко - у самого начала
Вонзилась в душу девочки игла.
На краткий миг судьбы оставив ранку,
Которую не видели ни я, ни ты...
Вчера похоронили наркоманку,
В могилу бросив красные цветы.

* * *

Рассказываю дочке о поэзии -

Есенинскими строчками шуршу.
За стеной в зашарканном подъезде
Её ровесники вдыхают анашу.
Стихи... стихи... душевное приволье.
Дыши стихами, девочка. Дыши!
Там за окном на городском подворье
Дворовые дерутся алкаши.
И местный бомж хозяйствует ретиво -
Он кладь с тряпьем несёт к себе в подвал.
Читаю наизусть "Персидские мотивы" -
Красивых слов божественный хорал.
В России осень... *«роща золотая*
Отговорила милым языком».
И дочь моя, с улыбкой засыпая,
Ей, уходящей, вторит шепотком.

Я так боюсь, что за квартирной дверью,
Где мир погряз в немыслимых грехах,
Прикажут ей: родителю не верить.
Что толку в этих выдумках-стихах?
Что от судьбы дерьмом несёт и потом...
Стихи годятся школьнице в тетрадь.
И надо быть последним идиотом,
Чтоб ими дочь родную охмурять.

* * *

Водочку закусывал яблочком мочёным.
Скупой друг рассказывал про своё житьё.
Не копил он зависти белой или чёрной,
В крапинку, в полоску - не было её...
В голую столешницу уперев уключины
Солнышком обугленных остреньких локтей,
Так и не сказал он, что судьба подлючая
Душу измытарила, выжгла до костей.

Под обрыв скатился он с крутого бережка,
Но река упавшего всё ж не приняла.
Друг сметал в ладошку
крошки хлеба бережно
С ветхого, дворового, тихого стола.
Одежкой рваной рану ножевую
Прикрывал он сердца, улыбаясь мне.
Мой товарищ старый на Руси бомжует,
И притом счастливым выглядит вполне.

Я сидел и думал: «Что же наше счастье?..
Неспроста не просто (вот в чём весь курьёз!)
По Руси бродягой Горький Лёха шастал,
По земному шару брёл Иисус Христос».

* * *

С берега кричат:

— Давай причаливай!
Провалюсь опять в тартарары...
Город мой, весёлый и отчаянный —
Пьяницы, крамольники, воры.
Доберусь ли я живым до дома?
На пути знакомая беда —
Лёгонькие двери гастронома
И живая в скляночках вода.
Продавщица — солнечная птаха —
Выставит беременный живот:
— Вот вам зелье верное от страха,
От любой беды уберезёт!

Эй, прохожий, выпьем за державу —
За её двуглавого орла!
За её униженную славу
Можно и в подъезде из горла...

Мыслю так, что есть отличный повод
Выпить за неё сегодня нам,
Потому что жив наш русский город,
И совсем он «мой» по вечерам...
Вытяну из страха свою душу,
Чтобы слышать до ночной поры,
Как поют отчаянно «Катюшу»
Пьяницы, крамольники, воры.



ИНОСКАЗАНИЕ

КОЛЬЧУГА

В разгар метельной заварушки
Встаёт пред матушкой вопрос,
Что нужно после постирушки
Снести бельишко на мороз.
Чтоб разом все хворобы выветрить
Студёным вихрем из него,
А может этим просто выверить
Надежду вновь на волшебство.

Платочком матушка обяжется –
И за порог себя студить,
И псу дворовому прикажется
Сыночка лаем не будить.
Но, пробудившись тотчас, с маху
Вступлю в заснеженную Русь
И в задубевшую рубаху
Душой и телом облачусь.
Накину я на плечи вьюгу...
Кровь с молоком! – красив, удал...
Так пращур в хладную кольчугу
Пред боем жарким залезал.

НАБЕГ

Раздобыв по случаю шишак
И с мечом булатным опояску,
Выйду я дозором на большак
Сторожить дорожную развязку.

В сердце мне тревогу намело,
Чует сердце ворога и вора:
Ведь пути в отечество моё
Не должны остаться без призора!
Погляжу на Русь из-под руки...
В небе ходит ястребок кругами,
И, как я, лихие мужики
Будят степь тревожными шагами.
То-то даль ковылится опять,
То-то было много в зиму снега...
Неприменно надо ожидать
На державу лютого набега.

Рыщет иноземец по векам –
Огнем Русь пытается и железом.
Надо сдюжить русским мужикам –
Моим братьям тихим и болезным.
Вот, что мыслю, вглядываясь в даль,
От беды крошечной холодея:
Ждёт державу чёрная печаль...
И лихие козни Лиходея.

ДРУГАЯ РЕКА

Конечно, не Калка – другая река,
Но русское сердце и эта остудит,
И утром стреноженного мужика
На подвиг великий разбудит.

И путы сорву я с натруженных ног,
И в утре встревоженной тенью
Я поиски старых армейских сапог
В хозяйстве мужицком затею.
А, может, найдётся и меч-кладенец,
На свист прибежит кобылица...
Ну что же ты, ратник, готов, наконец,
За землю родимую биться?!

Несметные рати ведёт Даниил
На жгучие стрелы монголов.
Жена проворчала: «А ты б не ходил...
Хватает в дому разносолов».
Сурово и зло посмотрю на жену
В сиреновом ласковом платье:
Вот так, втихоря, и проспали страну,
Похлёбку хлебаючи лаптем.

Заря распростёрла золотые крыла.
Булаты звенят на кровавой равнине.
Лишь только кольчужка была б не мала,
Как в той позабытой былине...

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Красный день сентябрьский на палитре –
Поле за Непрядвою-рекой.
И опять пригрезился мне Дмитрий,
Вписанный в скрижали как Донской.
С неба сокол – боевая птица –
Камнем упадёт Руси на грудь.
Значит, снова надо росам биться
За свою поруганную Русь.

С дерзкой думой, в сердце наболевшей,
Я стою у пращурских могил.
Святой Отче Сергей Радонежский
И меня на бой благословил.
У коня поводья не ослаблю –
Я в доспехи ратника одет.
Слева от меня монах Ослабя,
А по праву руку Пересвет.

Золотой сентябрь. Число восьмое.
Двадцать первый беспокойный век.
В поднебесном храме – богомолье.
В поле ратник – русский человек.
Не под Тулой Куликово поле
И не под брусчаткою Москвы...
Огляжу российское приволье:
Поле Куликово – это мы.

МУЖИЦКОЕ ВОЙСКО

На русской земле болотины-топи –
Не держит державу прогнившая гать.
И дума такая и время торопит:
Мужицкое войско пора собирать.

Степан Тимофеич! Ну где ты, дружище?
Ты только откликнись, а мы уж придём.
Неужто всё прахом... и век пепелищем
Там, где моя доля, и жёнка, и дом?
Неужто утопят щенком бессловесным
В болотине мрачной опять мужика?
Я шёл к своей правде и полем, и лесом,
И адом, и раем... и выжил пока...
Затем и не сгинул, что ты, Тимофеич,
На вольную службу сосватал меня.
И если ты барам расправу затеешь,
То туточки с вилами рядышком я.

Пойдём на Москву и на прочие грады.
И гатью нам будут в степи ковыли.
Мы этим «чубайсам» устроим досаду
На дыбе, на плахе, на кольях земли.

ЧУДСКОЕ ОЗЕРО

Не крутит крылья мельница –
Был скуден урожай.
Заря в загривок вцепится:
- А ну, мужик, вставай!
Идёт она попутчица –
Вокруг земляца-мать:
- Тебе ль бездельем мучиться
Да с бабой воевать...

По раннему по холоду,
И кряжист, и могуч,
Вплети в кудряву бороду
От солнца первый луч.
Шагай в весенней роздыми
В кольчужечке до пят:
На славном Чудском озере
Браты твои стоят.

Рази тевтонских рыцарей –
Топи их в омутах,
Чтоб никогда не рыпались
На Русь идти в крестах.
Громи их с Божьей Матерью
Своим мечом-крестом...
А с вором-председателем
Расправимся потом...

Духмяная, навозная,
С полоской сжатой ржи,
Лежит земля колхозная,
Идёт по ней мужик.

* * *

Мне не снятся розовые сны —
В звёзды мне высокие не верить,
Я из тех, которые должны
По-земному жизнь отканителить
В Журавлиных ветрах октября
Чувствуя болезненную зрелость,
Я листы сорву с календаря,
Рад тому, что жизнь моя успелась.
Вроде и немного тратил сил
На добычу хлебушка и соли,
Но всегда пригоршнями носил
Кровяные, жгучие мозоли.
Ворот у рубашки был потёрт —
Даже если галстук для ажюра...
Но была всегда под высший сорт
Крепкая под ней мускулатура.

Вот и вся земная благодать,
Что в меня старательно вливалась
Я из тех, которым умирать
По мотивам личным удавалось.

РУССКИЙ МЕДВЕДЬ

Морозный день - прекрасный выгул
Для среднерусской полосы.
Медведь-шатун, ты спину выгнул,
Хотя тебя не гонят псы.
Нет никакой прямой угрозы -
Не горбясь, в мир себя неси.
Привычно в лютые морозы
Сутулить спину на Руси.
Бредёшь по снегу по колено,
Слегка поругивая жизнь.
А снег пушист - пивная пена!-
Вдохни его - опохмелись...

Крепка трущобная Россия! -
Не всю её сгубил Чубайс.
И на берёзках белый иней,
А не какой-то «бутер вайс».
Ты слышишь ангельское пенье
Сорок, ворон и воробьёв.
И ады все тебе до фени.
Ты - русский смерд и богослов.
Ты затаишься в восхищенье
И за поэтом вторишь вновь:
- Я помню чудное мгновенье...

И жизнь, и слезы, и любовь...

К сему добавил я еще бы,
Чтоб здоровый взгляд на жизнь иметь,-
Там на валежине чащобы
Сидит заправдешный медведь.

ПАМЯТЬ

Под Сызранью церковь Святого причастия,
В ней падают звёзды в обрушенный свод,
На звоннице воронов стая кричащая
Упавшие звёзды, как просо, клюёт.
Молчат колокольные звоны в небесах:
Здесь с Богом и Сыном утеряна связь –
Здесь тризну справляют вселенские бесы
И местная нечисть давно прижилась.
Чекист Михельсон – председатель совбеда
И весь голоштаный при нем сельсовет,
И прочая, прочая злостная вреда
Плакатит агитки, что боженьки нет.

Распятый Христос одинок и печален –
О нём позабыли миряне уже.
Брожу, одичав, средь церковных развалин,
И копится страх в греховодной душе.
Как тяжело во власти, рождённой в разбое
Карабкаться солнцу в опальный зенит!
Но видится мне в уцелевшем пристрое
В единственной келье лампадка горит.

Седая старуха – монашка-затворница,
Чьи светлые очи, как небо, светлы,

Спасителю нашему истово молится
Во имя спасенья за наши грехи.

Мирская её не касается скверна...
Ярится напрасно чекист Михельсон:
Пора, мол, стрельнуть богомольную стерву
Иль с Богом её – за уральский кордон.
Чекист Михельсон – кровожадный убийца:
Пощады не жди от железной руки...
А тут, как не странно, он всё же боится –
Апостолы неба к монашке близки.
Извёлся вконец председатель совбеда
Идеей расправы над храмом святым...
И прочая, прочая гнусная вреда,
Отечество наше обретшая в дым.

Изба сельсовета чадит самогоном,
И в пьяном угаре беснуется тать:
Под Сызранью церковь разбойным законом
С землёю зыбучей России сровнять.
Разбойные тати застольную грянут –
Прославят в кремле усаचा-палача,
Бикфордов шнурок
до церквушки протянут...
И в тихом пристрое погаснет свеча.

Обрушатся стены, и лягут камни
Плитой погребальной монашке на грудь.
И в сердце моё закрадется сомнение –
А надо ли Бога на землю вернуть?

ГРУНЯ

*Сказ о Девьей горе
и Молодецком кургане*

На заре - на зорюшке
да по доброй волюшке
платы самотканые
станут девы ткать.
На селе с раkitами
песней да молитвами
эти платы вышиты,
краше не сыскать.
На них ночи ясные,
в росах розы красные,
васильки-муравушки
и резные камушки
бисером горят.
- Эко наворожены! –
Словно сказы сложены.
То-то глазу глянется:
в аккурат на свадебку! –
люди говорят.

Расстели в светёлочке
дивный плат Алёнушки
или свет-голубушки
черноокой Любушки
и ходи-погуливай,
будто по лужку.

Или самой младшенькой,

Жигулёвской, нашенской
особливо Грунюшки...
Потому как светятся
в нём узоры-думушки
к милому дружку.
Всё о нём – о молодце:
о казачьей вольнице –
лаской и добром...
Экая безделица!
Путь-дорога стелется
Златом-серебром.

Что ж, братья, помолимся
на удачу молодца!
Он разбойной вольницы
и Степанов вор –
атамана Разина –
голь и безобразина
Жигулёвских гор.

И почто ты, девица,
в лютую метелицу,
Да и в дни свои весенние
дурака весельного
полюбила так?
Не нашла достойного
кроме, как разбойного
вреда беспокойного

В цену за пятак...

Ох, судьба-злодеюшка!
Ой, ты, красна девушка,
не ходи у бережка,
парня не зови!
Ах ты, Волга-матушка,
не тебя мне спрашивать,
куды волны котятся...
Вовсе не воротятся –
тонут корабли.

Видно, богом сказано:
«Вольным людям Разина
Пирогов не пробовать,
сладкий мёд не пить...»
Царь идёт с дружиною –
Славного разбойника,
казака-колодника
в Волге утопить.
Так и будет, девица!
Нечего надеется,
Что твово залётного
той кровавой водкою
стражи обнесут.
Вона волны солоны,
вон и Девья горюшка
вознеслася горюшком...
Вот и божий суд.

* * *

На заре-на зорюшке
да по доброй волюшке
платы самотканые...
Груни красный плат
Стелют ветры в горушках
Да под ясным солнышком,
и они от небушка
тянутся в закат.

Но купец-сквалыга
видит только фигу:
потайными тропами
он ведёт стрельцов.
Эхом грозным топают
в поисках холопа
по прозванью сельскому
Ванька Молодцов.

«Мать Богородица!
Что на свете родится:
Глупые придумали
вечную любовь.
Где ж она находится?
В платах хороводится
и поганит девицам
молодую кровь.
Дьявольская сила
золото сулила

горным эхом-хохотом
мелкого гроша...
Жемчуга дарила,
песней голосила:
«Пропадай ты пропадом,
грешная душа!»

Мы ж любовь поганую –
ведьму о трёхглавую
Вслед за Стенькой Разиным
волоком в Москву,
чтоб царя порадовать,
а потом с наградой
в кабаке с ребятами
утопить тоску...»

Молодец-то суженый
весь пострелян ружьями,
весь, как есть, израненный,
загнанный, как зверь.
И она бедовая –
дева чернобровая,
Вроде на заклятие:
пропадай теперь.

Он стоит на скалушке.
кровь течёт по травушке.
Смотрит он на реченьку,
только видит тьму.

Где ж ты воля светлая
и любовь приветная? -
Не ему дарованы в жизни,
не ему...

На кургане издолга
тонко вскрикнет иволга.
Молодец тот бросится
в омутовый плат...
Сказ такой есть издавна,
сказанный и изданный,
Ветрами разносится
сотни лет подряд.

Вот с соседней скалушки
солнечной журавушкой,
как звезда взошедшая
в гибельный рассвет,
упадёт вдруг камушком,
станет вечной,
замужней,
Груня сумасшедшая
казаку вослед...

Вот и вся былиночка,
как в глазу сориночка,
Вот и вся бывальщина
славных Жигулей.
Тихая грустиночка –

на сердце пылиночка,
смута да опальщина
Родины моей.

Но поныне помнится,
как в поклоне клонятся,
прижимаясь в горюшке
в утренний туман,
В поднебесном солмнище
звёздной колокольницы
девы юной горушка,
молодца курган.

Я и ТЫ

Задымилась в поле злая сеча
Лишь случайно значишься в живых.
А у нас потрескивали свечи,
И звучало танго для двоих.
У тебя глаза полузакрыты.
Вся ты мне принадлежишь сейчас:
Все мои соперники убиты
Или ждут погибельный свой час.
Да и те, наверно, отрекутся,
Что им твоя тихая любовь?
Мужики серьёзные дерутся,
Чтоб друг другу выпустить всю кровь....
Им опять наметилась удача
Поделить свободу, землю, власть.
Хорошо, что мне с тобой иначе
Жизнь прожить,
 над жизнью не глумясь.
Сроки её, милая, мгновенны,
Даты её, нежная, просты.
Пусть пылают свечи вдохновенно,
Нас на свете много — я и ты.

Итак. Пожелали Свободы
Желавшему видеть простор.
Я вышел сквозь чёрные годы
В охранный пустой коридор.
Подспудно таилось: не верю!
Под тяжестью потолков
Молчали закрытые двери
И мёртвые кнопки звонков.
И внутренним видел я взором,
И знал с незапамятных пор:
За этим пустым коридором —
Такой же пустой коридор.

* * *

Не только лишь звезда над полем
Иное что-то в этом есть,
Чем так в судьбе немногословен,
Как будто выговорился весь.

Не только лишь огонь на лица
Скользящей в небе той звезды,
Есть улетающие птицы
Из человеческой вражды.

Не только лишь дремуче-древний
Призывный звёздный, дикий свет,
Есть, кроме крохотной Вселенной,
К виску прижатый пистолет.

В грянет выстрел подлый, грянет!
Комочек звёздного огня.
И вот тогда уже не станет
Звезды над полем и меня.

Но все же пусть в безмолвной сини
Звезда горит в мой страшный век.
Как много значит для России
Любой живущий человек!

КРУГОВЕРТЬ

Что я помню? На тачанке
Пулемёт-Максим речист.
Пулемётчика по пьянке
Расстрелял потом чекист.

Что я видел? Скопом танки,
И на танке президент...
А потом признались «янки»:
- Он в России наш агент.

Что я знаю? На полянке
Средь деревьев там и тут
Мухоморы и поганки
На Руси всегда растут.

* * *

Что не знаю? В круговерти
Бог ли, дьявол виноват,
И куда я после смерти -
В светлый рай иль в грешный ад?

Что не видел? В круговерти
Добрых ангелов живых,
И ни разу даже черти

Не ударили под дых.
Что не помню? В круговерти
Бога, ангелов, Любовь...
И ещё как после смерти
На земле родился вновь.

* * *

Что я помню, но не видел?
Злая чёрная метель...
И единственный в ней выбел –
Пушкин выиграл дуэль.

Что я видел, но не знаю?
Русь у бездны на краю...
От погибельного края
Место новое в раю.

Что я знаю, но не помню?
Не длиннее жизни смерть...
Я ни в чём не экономлю:
Всё едино – круговерть.

* * *

О чём толковать,
Если вечер закатный над пропастью замер,
И жизнь - как мгновенье последнего нерва,
Неужто о том, что на завтра экзамен
В салоне Шерер у Безухова Пьера?
А может о том, что месье Бонапарте
К дворцу на погибель привёл декабристов?
А после мы в рабстве томились у партии,
И Ленин – наш вождь –

был жесток и неистов.

И вот мы вернулись к единому Богу,
И вечер закатный над пропастью замер,
И сполох кровавый скользит по отрогу,
И путь в небеса мраком трепетным залит.

Две тайны у жизни:
Мгновенье рожденья на свет человека
И близкая пропасть – великая Смерть,
А всё остальное лишь алгебра века –
Подсчёт и расчёт на зыбучую твердь.

О чём говорить,
Если пропасть над нами:
Вглядевшись в неё,

испытываешь лишь ужас...

Я женщину жду, окупившись цветами,
Пред первой любовью нелепо конфузясь.

День после дождя
В первородном дыханье
Адама и Евы... меня и Галины...
Мы тоже от Бога – его мы миряне,
Две хрупких песчинки из райской картины.

И так далеко
От рожденья до смерти,
Что вечностью длятся любовные вздохи:
Вступают за нами по солнечной тверди
Мгновения, годы, века и эпохи.
И это пространство,
Что названо Жизнью,
По-моему, всё же оно бесконечно,
А то, что я замер над пропастью слизнем,
Ещё поправимо, и пропасть не вечна.

* * *

Закатное время над пропастью мрачной
Лучом зацепилось за стебель травы.
Какой же ты, право, родился невзрачный
В предутренний час онемевший совы?

В предутренний час, когда ночь на исходе
Пустела, убрав с поднебесья луну.
И что-то ещё исчезало в природе,
Что тоже тебе записалось в вину...

Но я ликовал: я родился – и всё тут!
Пошёл, зашагал в своё время, как бог...
Ведь время моё, сохраненное в сотах,
Никто без меня растронжирить не мог.

Над милой Россией звёзд замерших россыпь
—
Смотрю на свою от рожденья звезду:
И я упаду не в крошечную пропасть,
Рассветным лучом я на небо взойду.

ВЫЮГА

Со станции брёл я в родную деревню,
Вагонною тряской изрядно помят.
На мглистой дороге огромною тенью
Вдруг выросло что-то в дерюге до пят.
И шаг я замедлил, душой обессилев.
И жутко припомнил: здесь в прошлом году
Нефедова Ваську бандиты убили...
Так, значит, и я на погибель иду.

Лихая эпоха. Разбойное время.
Не в нём ли мой дед во казачьем полку
Ловил сапожком золотистое стремя
И пьяных махновцев рубил на скаку?
Не в нём ли мой батька, являя отвагу,
В истлевшей шинельке (душа на распыл!)
Прямою наводкой палил по рейхстагу?..
И смерть презирал. И себя не щадил.

А я вот в тумане предутреннем, мглистом
Стою на дороге, почти не дыша.
Вражина разбойным зовёт меня свистом,
Спокоен и лют... воровская душа.
Ну что ж, коли так, я тоже отвечу -
Ведь я не забыл, как в два пальца свистеть...

И весь, напружинившись,
двинул навстречу:
Гуляй в моём поле геройская смерть...

И мы разминулись, пугая друг друга.
И я удивился, вдруг сделавшись ал:
Мне встретилась первая снежная выюга -
Знакомая злючка - а я не признал.

БЫЛИНА

Как под градом Муромом сказка бородастая,
Храпы богатырские, ржавые мечи...
Скрежетом и охами (Вот судьба треклятая!)
Выпью мёда тёмного и скачусь с печи.
И, опохмелившись, я избу покину,
Олух глухоманный, стану пред страной.
Гляну на берёзу, гляну на осину...
Что-то нехорошее дается со мной.
Жить ли надоело или притерпелось?
На корню ли сгинула иль не началась
На судьбу отпущенная песня, что не спелась?
Будто кто с размаху бросил меня в грязь.
Эх, сейчас пивка бы с астраханской воблой
Силушки поправить – я ли не буян...
На моём подворье день стоит промозглый,
А в Москве на троне снова лихоман.
Надеваю валенки, лезу в полушубок.
Русская земляца - вольница да ширь!
А жена ворчливая вытянула губы:
- Тоже мне нашелся русский богатырь?!
Сказанула глупая - все силёнки сглазила.
Что ж бери в охапку и клади на печь!
... И беги скорее до сельпа-магазина,
Надо хоть под Муромом мужичка сберечь.

Вот и вся морока. Вот и вся идеюшка.
Вороны накаркали. Сбросили с коня.
Так что, враг царственный,
возликуй,
злодеюшка:
Добивай болезного - добивай меня...

ПОЧТИ ПО БУНИНУ

Отшумев на гулких перегонах
Бесшабашным, шалым сквозняком,
Понадеюсь, что в летах преклонных
Буду я разумным стариком.
Станцию найду себе по вкусу -
В яблонях - у мира на краю.
И, в грехах покаявшись, Иисусу
Все своё безбожье замолю.

Пусть же в предвечерии туманном
Умиротворяется душа...
Вот иду я лысым стариканом
В бороденку редкую дыша.
Поступь неуверенного шага.
Крутится собака у ноги.
Говорю себе и ей во благо:
- Ты за приткой жизнью не беги!
Мудрые, мы обойдем сторонкой,
Старцам ясновидящим под стать,
Эту даму с чувственной болонкой,
Чтоб другим собакам не мешать.
И почую я чутьём собачьим,
А собака - старческим моим:

Ничего-то мы уже не значим,
Никаких грехов не совершим.

Впрочем, если вдруг, когда случайно,
Мне в гостях у дамы этой быть,
Лишь затем, чтоб выпить чашку чая
И ещё собаку покормить.
Так что старость - небольшое горе...
И всего-то-навсего на миг
Выйдет поездам посемафорить,
Находясь в подпитии, старик.

ГУСАР

Как странно, как жутко, как просто
Тебя пробудили от сна
Близ кладбища гулкие сосны –
Неведомых грёз времена.
Таилась в них Крестная сила,
Пророчество Ссудного Дня...
И душу твою просквозило
Ознобом предсмертным огня.
Ты видел людей нелюдимых,
Восставших из-под земли:
Они в красногрудых мундирах
Под бой барабана прошли.
Они вознеслись, как распятья
В кладбищенской тишине...
И мерно постукивал дятел
На самой дремучей сосне.
И вспыхнуло утро пурпуром –
Зарёй древнерусских знамён.
И вслед за пехотой аллюром
Промчался лихой эскадрон.

Всего-то в версте от Самары
Разверзлась над соснами высь.
В неё, пропадая, гусары
В заоблачный край унеслись.

Ты думал: «Такие виденья
Живому ничем не грозят...
Всего лишь косматые тени
По лапам сосновым скользят...
И шага не вступят деревья –
Поскольку другая беда
Приходит в людские кочевья,
Сметая с земли города

Незыблемой будет природа...
И, может, в том высшая суть,
Что главная наша дорога –
К ним, вечным, прокладывать путь.
Чтоб встретила блудного сына
Огнём родословных кровей
В родном палисаде рябина
У дома на связке корней.
А после...»

Обыденно просто,
Как велено предками тут,
Под вечнозелёные сосны
Тебя – бедолагу! – снесут.
Пурпуром окрасится утро...
И Вечностью ты опылён,
Примнишься другому кому-то
Гусаром забытых времён.



**ТАИСТВЕННЫЙ КРУГ
АКВАРЕЛИ**

* * *

Привычное течёт под небесами
Среди людей моё житьё-бытьё.
Но утро вдруг повиснет парусами —
Там, где обычно сушится бельё.

Рассвет встречая синими глазами,
Вглядевшись в наши злые времена:
— Опять верёвку нашу кто-то занял! —
Мне скажет укоризненно жена.

Я тёмный занавес с окна откину,
Жене ни слова, веря в чудеса...
Ассоль блистательного Грина
У наших окон сушит паруса.

* * *

Постучусь: ты окажешься дома.
Ну спасибо: никто не украл!
Час доехать до аэродрома,
Ещё час — и не вспомнишь Урал.
Никуда не лечу и не еду.
В этом смысле судьба мне ясна.
Лишь за рюмкой признаюсь соседу:
- Неплохая была бы жена!
И взглянув на летящую стаю
Вечереющих облаков,
Ободрённый, опять намечтаю
Дворик твой среди дальних миров.
 Попрошусь на короткий отдых,
Разумеется, до утра...
И всю ночь будут яркие звёзды
Августовская будет пора.
И опять я тебе почитаю
Николая Рубцова стихи...
Как он лодку свою залатает,
Как на ней поплывём мы, тихи,
Как коса твоя золотая
Затечёт в эту звонкую тишь...
И как ты,
В общем, баба простая,
Миру нового Кольку родишь.

* * *

Когда я уеду из города,
Выдумаю вдалеке,
Будто ты ходишь по воду
К тайной лесной реке.
Если б суметь притвориться,
Если б раздоры забыть...
Ай да лесная царица!
Как же тебя не любить?
Нас развели кривотолки.
Здесь же, к примеру, возьми,
Даже угрюмые волки —
Лучшие друзья мои.
Жить помирней и попроще
Выпадет счастье нам где?
Чтобы на праздники к теще
К старенькой бабе-яге.
Мы бы такого родили
Ванечку-дурачка!
А в завершение идиллий —
Эта лесная река...
Да, я уеду из города
К тем позабытым годам,
Где без особого повода
Выпадет встретиться нам.

* * *

Понимаю что скверная,
Далека от мечты,
Но ведь самая первая
Моя женщина ты.

Было время подснежников —
Снег и дождь вразной
По сырому валежнику
Я пошёл за тобой.
Ничего необычного,
И весна, как весна...
На беду у лесничего
Молодая жена.
И всего лишь мгновение
Взмах невидимых крыл...
От тебя в отдалении
Я стоял и курил.

Я не проклял распутную
В роковых небесах
Нежным сердцем запутался
В её синих глазах.
Словом тихого вздоха
Я простился: «Живи!»
Знаю, было всё плохо,
Но прекрасней любви.

Оттого ещё верую
В поднебесный простор,
Что тебя мою первую —
Помню я до сих пор.

НА БУРОВОЙ

По всем формальным предписаниям тыла
Он не был годен к службе строевой.
По локоть парню руку отхватило
Не на войне, а здесь — на буровой.
Лишь замерла заря на гибком тресе,
Потом сползла на тихую траву.
Дымилась гильза смятой папиросы,
И солнце белое катилось в синеву.
Казалось, парню жизнь теперь без толка —
Не знать бы просыпа от горького вина...
Но лучшая красавица поселка
Ему сейчас — законная жена.

Три дня в посёлке свадьба песни пела,
Просело под гостями новое крыльцо.
Избранница счастливая надела
Ему на руку левую кольцо.

СНЕГОПАД

В такую дверь — хоть сапогом с разбега,
Хоть с петель рви... Напрасно всё теперь.
К тому же столько навалило снега —
Ходи у окон низеньких и мерь!
Ходи-гуляй. Не будет в этом толку:
— Прощай навек, законная жена!
Напился всласть, набил до крови холку,
И за любовь заплачено сполна.

И густо снег летел. И было слышно,
Как он посвистывает в мёрзлой тишине...
Иван подумал: «Видно, замуж вышла».
И сжался весь... Почудилось в окне:
За непроглядным и заледенелым
На миг призывно вспыхнула свеча.
И он почувствовал
 своим продрогшим телом,
Как женщина с постели горяча.

И не понять: иль вьюга саданула
С размаху ветром в ноги мужику,
Иль что-то там, у сердца, затянуло
Петлей-удавкой смертную тоску...
Стоял Иван без шапки на коленях.
И выл Иван. И матерился зло.
В пустом окне одной огромной тенью
Морозило, молчало и мело.

ГРУСТНОЕ ВРЕМЯ

Время грустное на земле
Разговором с тобой не нарушу.
В опадающей желтизне
Ощущаю пропащую душу.
Я ли это иль кто-то другой?
Дело в том, что зима поманила —
Колокольчик звенит под дугой,
И ямщик напевает уныло.

Вон по белой равнине возок
Заскользил и пропал в одночасье.
Снег и листья – наискосок
Мимо нас, мимо нашего счастья...

И у нас — не беда, не война,
Лишь предзимнее ощущение.
Так что ставь самоварчик, жена,
И устраивай угощение!
До утра погоняем чай —
Запропащие души согреем.
И опять ты меня научи
Пережить это грустное время.

* * *

В полумраке пустой, необжитой квартиры,
Разделённые кухонным грубым столом,
Мы сидели, как все в этом мире транжиры
Подтасованных судеб, идущих на слом.
То, что я говорил, и, что ты возражала,
Мы давно заучили с тобой наизусть.
И крутилась пластинка с мольбой Окуджавы,
Накурив в наши души щадящую грусть.
И пришла ко мне истина, может быть, вещая.
И нагрянуло время открыто сказать:
— Не меня ты ждала, одинокая женщина,
Не со мною хотела судьбу ты связать!
Абсолютно ничто — заверения барда,
Что простится нам грех без особой вины.
И вопроса курьёзного вовсе не надо:
Почему я в гостях у законной жены?
Остается лишь злая надежда ответа:
Что стихи ни причём здесь. Куда уж верней:
Жжёт метельная ночь никакого просвета! -
Далеко до других добираться огней.

* * *

Боясь отмщения дурного качества,
Когда любовью с тобой пьяны,
Прошу прощения у неудачливой
И мной утраченной давно жены.
...Тащил я с ярмарки невесту волоком,
Кричал соперникам:
— Она моя!
И груди — яблоки, и бёдра — колокол,
И зубы крепкие, как у коня...

Мы были сильные: друг друга комкали
Почти безжалостно, почти со зла...
Любвеобильные, мы чувства тонкие
В одно мгновение сожгли дотла.

...Конечно, помнится душой и кожей
И осязается в ночах глухих;
Ведь не покойница — живёт, тревожится...
И часто просится в мой вольный стих.
Прошу прощения! Колени сбитые.
Ладонью огненной я тру висок.
Головокружение, Уста с молитвою.
И время струйкою течёт в песок.
Мыслишки странные. Тебя я мучаю,
Боясь отмщения. Ты потерпи!
Мы счастьем пьяные, благополучные,
Под чёрной тучею одни в степи.

* * *

Говорю жене:
— Не жизнь, а мёд!
Хоть ты у меня жена вторая,
Сядем-ка с тобою в самолёт —
Лёту ничегошеньки до рая.

А она мне, райская, в ответ:
- Кинстинтин,
 летай в мечтах поменьше!
Атеистка я, и рая нет.
Ну а ты всего лишь алиментщик.
Ну, а если есть такой бордель,
То избавь нас, Бог, от злой напасти:
Тебе надо выйти на дуэль,
Мне же — дуре! — помереть... от счастья.

На моём виске притихнет тик:
Эх, опять не светит быть мне в лордах!
Пока жив, молись на божий лик,
Помня в страхе:
райский сад — для мёртвых.

БЛИНЫ

Святая озабоченность
Морщинит лоб жены.
Наследственное творчество —
Домашние блины.
Горячие, пахучие,
На завтрак и обед —
По той причине-случаю,
Что в доме денег нет.
Уж больно ты доверчива,
Уж больно ты проста!
Хорошая ты женщина,
Но, видимо, не та...
И тишина набатная
Натянута, как нить:
Ведь клялся зарабатывать
И на руках носить!
Пора бы подытожиться —
Спешим, как на пожар,
И нечего тревожиться
За скромный гонорар.
За наше дело тихое
Не рубль кладу к рублю...
Жена тихонько всхлипнула:
— А всё-таки люблю!

ОКНО

Смотрю в окно: в нём хмуро всё
и тёмно —

Нахохлившись, там бродят сизари.
Опять ты, осень, так неэкономно
Растратила все прелести зари.
В тебе, как в пьянице,

от алкогольной дури
Перемешались быть, небытиё...
Ещё вчера в застенчивой лазури
Купались голуби... И я любил её.
Её любил я пламенно

и вечно,
Как в сказке выпадает королю.
За что же так со мной бесчеловечно,
За что же так?!.. Теперь я не люблю.
Я счастлив был:

она меня любила
Всем чудом зла, всем чудом красоты...
Но в ней жила поверженная сила —
Она такая ж осень, как и ты.
Очей сгоревших жёлтая

усталость...
Я — не Есенин, чтобы все прощать
И восклицать, что всё-таки осталась
До дна не выпитая прежде благодать.

Она во мне лишь ярость
 пробуждает.
Окно ли что ли досками забить?..
Там женщина любимая блуждает,
Которую не хочется любить.

* * *

Ты приезжай к моим последним бедам.
В моей душе слежалый поздний снег —
И так мне зябко, что почти неведом
Который час, и день какой, и век...
Прошу тебя, хотя бы от безделья
И скуки ради навести меня.
По мне давно уж плачет богадельня,
И близкая, и дальняя родня.

Ты приезжай. Пришла пора, поверь мне,
Осуществить наш давний уговор:
Напиться вдрызг, совсем утратить время,
И запалить любовный наш костёр.
Костру доверясь весело и просто
Его короткой гибельной судьбе,
Выпрашивать я стану, как Морозко:
— Ну что, красавица, не холодно ль тебе?

Ты приезжай. Тепло я обеспечу —
Не всё сгорело у меня в груди...
Я шубу распахну тебе навстречу,
А под нее хоть голая входи.
О, Женщина, устроим быль и сказку
В лесу продрогшем — прямо на снегу...
А то ведь век мой скоро под завязку,
И я костёр затеять не смогу.

* * *

Шёл долгий дождь.
Потом, перед рассветом,
Запела птица,
Глазу не видна...
Ты помнишь, милая,
Как я писал об этом?
Но ничего не помнила
Она.
Лишь улыбалась
Вкрадчиво и тихо —
Жена со мной намучилась,
Живя, —
И я подумал:
«Даже соловьях
Не слушает сегодня
Соловья!»
Поскольку ей
Семьей державно править,
Ему же петь
И дрыхнуть целый день...
А вот гнездо слепить,
Детей на путь наставить
Бродяге песенному
Лень.
Когда бы дурню петь бы
На эстраде,
Так нет — в кустах
Да ночью — задарма...

И я сказал жене:
— За Бога ради
Ты погуляй с дочуркою сама!

Опять смотрю куда-то
Отрешённо,
В докучной повседневности
Нелеп.
И воровато,
Словно незаконно,
Спешу заесть стихами
Чёрствый хлеб.

* * *

И надо бы лучше простить
За грех унижительный блуда...
И надо бы прямо спросить:
- Зачем ты явилась, откуда?
И надо бы спину согнуть
Пред женщиной в низком поклоне.
Но хочется прежде свернуть
Вертявую шею вороне...
И надо бы свечи зажечь
В очах её дивных, раскосых...
И надо б себя уберечь
От глупых, ненужных расспросов.
Откупорить надо вино —
Да штопор никак не находишь...
И смотришь в пустое окно:
- Ну где ты, любимая, ходишь!

ЗОЛУШКА

Есть у гениального Крамского
Неизвестной женщины портрет.
На жену смотрю почти сурово —
Из неё не сделаешь секрет.
Ходит по пятам за нею слава
И в придачу — вся моя страна!
Женщиной божественного нрава,
Потому как Золушка она.
Варит, парит, моет и стирает,
Чистит, блистит, носит и метёт...
У неё судьба вконец сгорает,
А она танцует и поёт.
Так поёт, что слышат и подале,
Где Руси кончается земля...
Правильно мне люди подсказали:
Бабе неизвестной быть нельзя.

Назовут по имени и отчеству,
Заприметят даже на краю,
Возле магазина в тесной очереди,
Солнечную Золушку мою.
Я замру опять в недоумении:
— Ах, какой у женщины успех!
А она на праздники — пельмени,
Платье старомодное и смех.

Да прозреет истину постигший
Что-то вдруг взбунтуется во мне —
Сколько про любовь сложилось виршей?
Пусть хоть эти будут о жене.

* * *

Как омут, ночка глубока.
Но тут, прости, такое дело
Мне не давала спать строка,
А не распластанное тело.
Я так давно искал её
И вот она коснулась Слуха.
А ты ждала, ждала своё...
И чуть постанывала глухо.

И знойный миг в тебе всё сжег
До унижительного пепла.
А мне-то что? Строка – мой Бог!
И было мне великолепно.
Да, я творил, и в этом — суть!
И чтоб ничто мне не мешало,
Я твои ноги, бёдра, грудь
Укатал плотно в одеяло.

...И дальше жизнь моя текла
Уже в привычных ритмах быта.
А рядом спал комочек зла
Любви поруганной, убитой...
И затерялась та строка,
Как будто мелкая монета...
Вот так бывает нелегка
Судьба российского поэта.

ПОЛЁТ

Вот несу букетик роз за хвостик,
Сгорбившись под грузом лет слегка.
А она летит навстречу:
— Костик!!!
И целует — дура! — старика.
Фантики конфетные, цветочки,
Юбочка плиссе... Мне сорок пять!
Но её не хочется мне «в дочки»
На счёт личной жизни записать.
На груди моей трепещет птаха —
И такие крылышки в золу...
И Христа тут вспомнишь, и Аллаха,
И милиционера... на углу.
Я табак покуриваю крепкий
И молитву мысленно творю:
— Ну зачем ты, кроха-малолетка,
Дяденьку подводишь под «статью»?
До моих ей страхов дела мало...
Станет тормозить меня опять:
Как во сне над городом летала —
Мне уже такое не понять.
Девочка свободного полёта
С ощущеньем крыльев за спиной! —
У неё первейшая забота
Полетать когда-нибудь со мной.

Обнимаю маленькую Таю...
Боже мой! На дыбе не скажу,
Что во сне давненько не летаю —
По земле с отдышкою хожу.

* * *

Проветрю душу я от дыма
Столичных призрачных богем.
Уеду к женщине из Крыма —
От прочих женщин насовсем.
Старинным посохом Баяна
О камни крымские стуча,
В грехах прозревший, покаянно
Пойду у тихого плеча.
Я стану думать справедливо,
Что я любил её всегда.
Но после смелого прилива
От берегов ушла вода...
Не надо будет торопиться
К волне, срывающей песок.
Мы все живём из любопытства —
По жизни бродим между строк.
И каждый в принципе — лубочный
Герой придуманных атак.
Живём то скучно, то порочно,
А то совсем уже никак.
И повторится, повторится
Давно прописанный сюжет:
Больная дама с милым шпицем
И умирающий поэт.

* * *

Мне к годам своим пора привыкнуть
По земле ходить, не торопясь,
В шестьдесят какая к бесу приткось? —
Изморозь осенняя да грязь.
Пусть жена мне свитер свяжет тёплый
И обложит дом наш тишиной...
И носки потолще, чтоб не топать,
В общем, всё, чтоб стал я «шерстяной».
Человек домашний — мягкий и удобный...
Водочка и пиво — на дому...
Ты тогда, соседка, не пробуй
Предлагать бутылку — не возьму.
Я вернусь в свою былую силу,
Я завязну в мысли-колес:
Сколько лет и зим отколесило
До меня — бродяги — на земле?
Все в итоге к дому воротились —
Будь то Магеллан иль дон Кихот,
Словно пса блудливого на привязь
Времечко цепями прикуёт.

Жизнь пойдёт своим привычным ходом —
Я надежен в доме за стеной...
Не грозит жена уже разводом —
Вяжет свитер тёплый, шерстяной.

ВОЛЖСКИЙ БЕРЕГ

Я держу ладонь на старом сердце –
Задержался взором вдалеке:
Пароход трёхпалубный из детства,
Надо же! – всё ходит по реке.

Вот он застывает у причала –
Тянется ко мне швартовых нить.
Хочется мальчишкой, как бывало,
С берега на палубу вступить.

Но в душе один всего вопросик:
Так ли пароход ещё хорош?
И кричит мне палубный матросик:
- Ты плывёшь, мужик,
иль не плывёшь!

РУСАЛКА

И не шатко, и не валко
Ходят волны за бортом.
На корме сидит русалка,
Шевелит своим хвостом.
Звёзды в чёрных волнах тонут –
Как бы мне не утонуть.
Может быть, обратно в омут
Мне хвостатую вернуть...

Лунной тянется дорожкой
Песня, словно в неводе.
Я на лодочке с гармошкой
Первый парень на воде.

* * *

Им двоим – в небе скопище звёзд
И луна у речного причала...

Ну, а мне обижаться до слёз,
Что опять ты меня не встречала.

Он по трапу на берег сошёл
И пошел к ней по лунному свету...

У меня же полнейший прокол –
Целовать на ветру сигарету.

Впрочем, мне канитель ни к чему –
Лишь пустячный сердечный звоночек.

Как девчонка прижалась к нему,
Превратившись в пушистый комочек!

Отвернёшься и тяжело вздохнёшь:
Я для них – динозавр мезозоя.

Распустилась вконец молодёжь:
Что прилюдно творят эти двое?!

«Осуди! - я себе говорю, -
И жену... что меня не встречала.

Нужно прежде придти к алтарю,
А потом ворковать у причала».

Обойду я влюблённых, чуть злясь
На себя за пустую причуду.

И обида моя улеглась –
Через полчаса дома я буду.

Я замру у родного окна.
В голове моей светлая строчка.

Разметавшись во сне, спит жена,
Ну а рядом – естественно! – дочка.

* * *

Была зима. И в жилах стыла кровь.
Бумажные торчали в вазе розы.
Ничто не предвещало нам любовь
В жестокие крещенские морозы.

В разгар зимы не до амурных стрел...
Принес с собой бутылочку я водки:
Опохмелившись, с нежностью смотрел
На гибкий стан закусочной селёдки.

Я говорил тебе: «Пока не стар...
Притом, заметь,
 в делах любовных – практик...
О, твой сиренево-вишнёвый пеньюар! –
Случайно не застёгнутый халатик.

Вписался содержанием в сюжет –
В трёхактной воплотился пьесе»...
Зашёл погреться пьяненький поэт
На огонёк к такой же поэтессе.

В разгар зимы разгорячилась кровь.
И не бумажные – живые – в вазе розы.
Ничто не предвещало нам любовь,
Когда бы не крещенские морозы.

* * *

Я живу под покровом секрета,
Свою жизнь догрызая, какмышь.
Ты во мне ненавидишь поэта,
Что захочешь, со мною творишь.
Что скрывать, изначально так было:
Даже если мне рюмку нальёшь...
Ты меня никогда не любила
И моих собутыльников то ж.

Завершается странное дело...
Головою поклясться готов,
Ты меня никогда не жалела
И моих не читала стихов.
Дали б волю – конечно ж, убила...
Полагаю, почти не со зла...

Хоть меня никогда не любила,
С потаённую страстью ждала.
Вот и думаю я – одичавший! –
Без вина, без друзей и без баб:
То ли голос я твой отзвучавший,
То ли твой я пожизненный раб.

НОЧНОЕ КУПАНИЕ

Ты помнишь ли птахи доверчивой трели,
Как в чёрную речку входила, смеясь,
Нагая, в таинственный круг акварели
Луны, не имеющей с берегом связь.
Меня испугала такая беспечность,
Почувствовал кожей – подкралась беда:
Казалось, ушла безвозвратно ты в вечность –
Уже не вернёшься ко мне никогда.

И птаха умолкла. И берег весь вымер.
И чёрная речка вливалась в меня.
Теперь я свободен: есть шансы на выбор
Счастливой судьбы, никого не кляня.
Но как пережить мне предательство это?
И я, возмущённый, не ведал, как жить:
Жестокая, канула в лунное лето,
А мне, бедолаге, реку сторожить...

Я полон был злобы: крутая измена
Восторгом свободы сдавила мне грудь.
А речка текла – комару по колено,
Лягушке и той в ней нельзя утонуть.
Какая-то птаха опять свиристела.
Ты вышла на берег из чёрной реки,

Ко мне вознеся обнажённое тело
Всем тайным желаньям моим вопреки.

* * *

За белой изгородью снега
В уютной комнатке моей
Меня томление и нега
Касались нежностью когтей
Кота Савелия и тёплой
Руки проснувшейся жены,
И утро зимнее на стёклах
Последним отблеском луны
Ещё хранило, как причастье
Ночных утех любви во мне,
Моё земное непричастие
К суровой жизни на земле.

Моей семьи святое ложе –
Собрание избранных перин,
Где мне представить невозможно,
Что в мире я совсем один...
Такой... которому не нужно
Любви, и счастья, и тепла...
Что встану я, хрипя натужно,
Возьмусь за прежние дела:
Надену ржавую кольчугу,
Затею смертную игру,
И на коне уеду в вьюгу
Мечом размахивать в миру.

И стоит мне чуть-чуть ослабить
Подпругу, повод на коне,
Меня возмутся снова грабить
Все эти чуждые – оне...
Что тоже в мир пришли с мечами...
И в лютой битве за себя
Горят кровавыми очами,
Всех на скаку лихом рубя.
И этот мир течёт кровавый
Из года в год, из века в век.
И кто в нём правый иль неправый,
Пока не знает человек.

И остаётся лишь поверить,
Что где-то там, в тиши в снегах,
Есть комнатка за тёплой дверью
И кот, свернувшийся в ногах,
И холодок руки желанной
Дремотнолюбящей жены,
И ты... проснувшийся внезапно
Среди озябшей тишины
Луны пред солнечным рассветом...
Как в день последнего Суда...
Почти бессмертным был поэтом
И в мир пришедшим навсегда.

* * *

Вот опять за окнами подтаяло.
И, грустя о лете, вспомнишь ты:
В скверике на улице Потанина
Скромные и нежные цветы.

Но себя надеждами напрасными
Ты не мучь и лето не зови:
Поздно увядающими астрами
Не вернуть цветение весны.

Понимаю, дело это личное...
Но тебя по-прежнему любя,
Наблюдаю, как они улыбочиво
Смотрят на, прекрасную, тебя.

Но тебя никто уже не спросит,
Почему любовь свою сожгла.
Наступила непогода-осень...
Налетит зима белым-бела.

С неба упадёшь ты птицей раненной
В лунный снег небесной чистоты.
Расцветут на улице Потанина
В каплях крови поздние цветы.

* * *

Что-то совсем стало грустно.
Ветер ли в двери шальной,
Или мой дом безыскусный
Давит меня тишиной.
Или душе в искушение
Грезится рай или ад?
Чёрные мысли Кощеевы
Нищему златом звенят.
Экий ты, брат, безобразник!
Вздумал за горсть медяков
Станный устраивать праздник
Звонких её каблучков.
Ведьменный дождь и грязьща,
Мёртвая темень...

К тому ж

Там — в её царском жилище —
Глупый пижамистый муж...
Есть и такое несчастье,
Не обратясь в сатану,
Будто бы злое ненастье
Любишь чужую жену.

* * *

Я живу в лесной сторожке,
Там, где бродят среди сосёнок
Лось с лосихой по дорожке,
А ещё малыш-лосёнок.
И какой же я счастливый —
Без жены живу неделю.
И такой благочестивый —
Всё крещусь да молодею.
В сон хороший душу клонит.
Молодые снятся девы.
И растут на небосклоне
Звёзды прежнего посева.

* * *

Галка, Галочка, Галина!
Грустно в доме - снегопад...
Что-то на сердце гадливо?
Надо выпить, говорят.
Граммов несколько в гранёный
Горькой гадости плесни.
Век жестокий, век игорный
Гасит грустные огни.

Глупо, Галочка, гордиться
Гиблой горсточкой годов.
Тебе легче: Галка - птица,
Ближе к небушку богов.
Мне же голыми ногами
Грязь месить и глину мять...
Даже гаду, что с рогами,
Угораздило летать.

Ах, Галина, сердцу горько!
Говорю тебе: «Налей!»
Горней песней мучил горло,
Думал: тоже - соловей.
Нет ни голоса, ни слуха -
Только всхлипы наугад.

Грамм по сто и гаркнем глухо
Бабский гимн про снегопад...

И пойдём гулять мы, Галка,
К речке на берег крутой...
Под ногами брызнет галька -
Мелкий камешек речной.
Пусть накроет парня льдина!
Гадость, горечь, гниль и грусть...
Галка, Галочка, Галина,
В горькой речке утоплюсь.

ЛЕДИ

Слово замолвлю о личной любви
К вам, моя Леди из Мелекесса,
Лунные трели в нём выют соловьи
В клёнах лиловых былинного леса.

Лилией белой скользит под луной
Лодка любви по воде Черемшана.
Милая Леди, я – ваш рулевой:
Наша любовь поплывёт без обмана.

Лиры из рук не уронит поэт,
Лепетом нежным он вас заласкает.
Только однажды в три тысячи лет
Ангел любви над людьми пролетает.

Мне ли любовь проклинать за грехи?
О, Королева! Хвала вам за милость,
Что из немногих, слагавших стихи,
Жить на земле у меня получилось.

Соло любви – соловьиная ночь –
Длится и длится, не зная предела...
Отблеск луны наша взрослая дочь
Ловит в ладони с волны неумело.

* * *

Праздник Пасхи в печке корку
Подрумянит пирогу.
Напостился втихомолку –
Целоваться побегу.
Поспешу я к Пелагеи
Попроцведовать блинов,
Приласкаю, пожалею
Свою первую любовь.

А потом по тайной тропке
В полночь татем проберусь
К пышной вдовушке-плутовке...
Намилуюсь и напьюсь!
Понимаю: я – не первый
Поздний гость и обалдуй...
Ах, как пахнет бражкой пенной
Пылкий вдовый поцелуй!

Я пойду плясать в присядку –
Хоть полжизни попроси.
Широко справляет Пасху
Паства вольная Руси.
С поднебесья пышет просинь,
Пролилась в поля, дыша.

Похристосоваться просит
Первородная душа.

ХУДОЖНИК

В зыбкий час студёного рассвета,
Когда сон колеблется в остуде,
Женщина, сходящая с портрета,
Старого художника разбудит.

Мистикой наполнит дом и вздором...
Высветив глаза полубогини,
И ударит спящего укором:
- О своей забыл ты Магдалине!

Что ответить, он давно не знает –
Обо всем, что было с ним, не помнит.
Сумасшедший, он одним лишь занят:
Суть свою безумством новым полнит.

Кто она? – любовница? – супруга?..
Или красок жизни наважденье...
Он во власти Бога и недуга
От земных мытарств освобожденья.

Но она ведь тоже не земная...
Свои чувства странно выражает:
Там, на кухне, потная и злая
Для него на завтрак гвозди жарит...

* * *

Видит бог, мне надо погрустить
В Юрмале в хорошую погоду:
Водочки стаканчик пропустить,
Чтобы легче было отпустить
Душеньку из тела на свободу.
Хорошо под водочку страдать –
Ублажаться выдохом глубоким,
И с улыбкой тихой наблюдать
Звёздную ночную благодать
Над латышским небом невысоким.

Густо ветки тополей сплелись
В мрачные огромные гнездовья...
В этом баре все перепились,
Потому как пили все за жизнь -
За своё душевное здоровье.
За любовь здесь пили латыши –
Что-то мне по-своему галдели.
Я им тоже вторил от души:
Ах, как ножки дивно хороши
У барменши с резвостью газели!
Говорил ей: «Здравствуйте, Ассоль!
Вы – Ассоль, и возражать не смейте!»
Раскачал мне душу алкоголь –

Русские червонцы, как пароль
Алых парусов на местном рейде.

Но она – ни слова мне в ответ...
Это значит – у любви промашка:
Алых парусов на свете нет...
Жизнь прошла. Напился вдрызг поэт –
Мерзостно противный старикашка.

Не пора ли душу воротить –
Глупо иностранке улыбаться.
Надоело в Юрмале гостить...
С жизнью необорванная нить
Тянется, готовая порваться.

* * *

Как мне зверя пойманного жалко,
Ведаю, свободушку ценя:
В клетке выездного зоопарка
Серый волк походит на меня.
Он глаза прикрыл мохнатой лапой,
Не желает видеть мир людей...
Вот и я укромно тихой сапой
Пребываю в благости идей.

Я смотрю из клетки и мечтаю:
Вот бы лапой сбить дверной засов
И сбежать в свою родную стаю,
Всей душой откликнувшись на зов...
Молодой заждавшейся волчицы
Под сосной на огненном снегу...
Вырвавшись на волю из темницы,
Сердце разорвётся на бегу...

* * *

Меланхолическая драма –
Моя бальзаковская дама.
По вечеру она блистала
Среди красавиц в шуме бала,
По окончанию, к рассвету,
Залезла к Чацкому в карету.
А ныне выбралась на Невский,
Где Пушкин, Блок,
 чуть-чуть Макевский.
Три раза там меняла шляпки,
Приобрела на смерть мне тапки...
Я по деревне в них гуляю
И нагуляюсь, полагаю,
До ранних криков петухов,
До грустных собственных стихов.

Меж тем «мадама» ногти красит:
Сегодня гостем будет классик –
Мне неизвестный некто Фет,
Но, говорят, и он поэт.
В своём невежестве не каюсь:
Не с ним я пью и похмеляюсь,
Но понимаю, что жена
Достойно выглядеть должна.

Пока пишу свои тома,
Пусть расстареется сама:
Готов и в Лондон отпустить,
Чтоб лорда Байрона смутить.
И пусть судачат на селе,
Что я опять навеселе,
Опять супруга на сносях...
И всё-то гении в гостях...

* * *

Под мягким светом лунной акварели
Пейзажа среднерусской полосы
Шампанское искрилось, и горели
В бакалее розы каплями росы.
Тянулось бесконечное мгновенье
Безвременья эпохи для двоих.
Тишайшим выдохом прикосновенья
Любовный выговаривался стих.

Тягучий блеф в манере декаданса...
В нём – женщину, укутанную в шаль,
Ласкали вздором глупого ромansa,
В котором блуд творила пастораль.
Плела венки прекрасная пастушка,
Среди цветов отнюдь не весела:
В стране была лихая заварушка –
Цена на водку снова возросла.

И вроде бы не очень страшно это –
Ещё одна расплата за грехи...
Но женщине – избраннице поэта...
Не пишутся красивые стихи.
Молчит поэт, измученный похмельем,
Замкнул руками трепетный свой слух.
И в результате, что же мы имеем? –
Какой светильник разума потух!

* * *

Ты ушла от меня, но я помню:
Ты навеки осталась во мне.
До краёв два бокала наполню,
Посижу я один в тишине.

Ты ушла ото всех домочадцев,
Белой птицей упав в синеву...
И хоть нам на земле не встречаться,
Я по-прежнему рядом живу.

Лишь какой-то мистический холод
Нас на срок небольшой разделил,
Только нужно пройти через город
К городищу крестов и могил.

* * *

Уже ничто не значила она,
Но словно в преломлении кристалла
Магическим узором прорастала
В квадрате освещенного окна.
Безмолвная, беззвучная пока
Мелодия, рождающая слово,
Когда душа заговорить готова,
Приобретая навык языка.
И этот за оконцем снегопад,
И эти снегом убранные ели,
Наверно, голоса свои имели
И для меня, но вечности назад.
Когда поэтом посещал Москву
И мучился словесной канителью,
И вот теперь нисколько не жалею,
Что, как и все, без голоса живу.

Мне по душе неговорящий снег...
Пусть сквозь него горячие ладони
На землю мёрзлую, продрогшую уронит
Иной заговоривший человек.
Я лишь шепчу: «Мгновение продли
Поэзии в магическом кристалле!»
И вновь в ладонях солнечных оттает
Комочек замороженной земли.

* * *

Прости – любовь не виновата
Простого божьего раба:
Ни бриллиантов нет, ни злата,
Одна лишь курная изба...
Я расстараюсь на цветочек,
Случайно сорванный в лесу,
И в наш интимный уголок
Тебе в постельку принесу.

Но помнить будут все потомки:
Твой муж – большой оригинал! –
В своей душе он, как в котомке,
Стихи к любимой сохранял.
А в них и золото и росы,
И бриллианты-соловьи,
И в жемчугах льняные косы,
В шелках все прелести твои.

И пусть живая капля жизни
Тебе подарком от меня –
Моей жене, моей отчизне,
Моей кровиночке огня.
Весь этот мир добра и света...
Слова любви в ночи тихи –
У настоящего поэта
Одно лишь золото – стихи.

* * *

Яблоки спелые грустного сада
Падают с веток к ногам иногда.
Женщина в доме – такая награда!
Я бы не ведал о том никогда.

Если б не стал одиноким и сирым
Голубем сизым в остывшем гнезде,
И не стоял пред расхристанным миром,
Спрашивал: «Счастье, ты где?»

Был бы удачлив, беспечен и вечен...
Я бы воскликнул: «О, женщина, прочь!»
Снова зажат в угасающий вечер –
Близится снова без женщины ночь.

Там, за окном, над последним карнизом
Пропать бездушных, скопившихся звёзд:
Мой апокалипсис злым атеизмом
Чертополохом на сердце пророс.

А ведь так просто: несчастлив не каждый –
Доброй душе не грозит суицид.
О, как в гнезде остывающем жажду
Женщину видеть, что рядышком спит.

* * *

Мне не надо романов и писем
Отлюбивших когда-то меня,
Мне по духу осенние листья
На аллеях осеннего дня.

Жизнь поэта - почти одночасье -
Очень краткое "визави".
Есть одно лишь укромное счастье
Сохранять призрак первой любви.

Им живи и бодрись, и печалься,
Занося свои строчки в тетрадь,
Чтоб под таинством белого вальса
Отзвучавшую женщину ждать.

* * *

Напала тоска на поэта,
Пошёл в магазин
и купил себе водки бутылку.
Прекрасная ведьмочка
гладит его по затылку,
и ждёт за порогом золотая карета.
- Куда мы поедем? –
ямщик встрепенулся.
И лошади тоже в ответ встрепенулись.
- Хотелось бы очень
отправиться в юность,
Где я под ветрами стоял
и не гнулся.
- Да что ты, родимый,
давай уж до хаты:
в ней женщина-прорубь –
среди праздников, буден.
- А можно без этих
кромешных прелюдий? –
Просил ямщика я почти виновато.

- Но как же иначе?
Один ты на свете.
Одно в утешение – рюмочка водки.
Дурило! Зачем тебе ехать
к писклявой молодке? –
ведь смехом найдутся
и куры и дети...

- Ну вот что, халявщик
в злачёной карете,
Заткни поддувало! –
мне бредней
не надо...
За городом шумным могилы ограда,
На холмике я
в поминальном букете...

Пока есть в бутылке
мечта для поэта,
Пока существуют и рифмы, и ритмы,
Мне хватит для оды
Прощальной поллитры,
а там уж – пожалуйста:
смерть и карета.

НАПУТСТВИЕ

*Уходя из жизни, не забудь
Отойти от всякого соблазна
И на затихающую грудь
Руки положить крестообразно.
Женщину, сидящую у ног,
Умолить пожухлыми губами
Водочки налить на посошок...
И уйти, как будто за грибами...
По беспутью двинуть налегке
В райский лес в предутреннем тумане
Со свечой в обугленной руке,
Без гроша последнего в кармане.
Ибо там «дензнаков» вовсе нет!
Лишь душа идёт там на закланье.
Лишь при жизни в страхе и обмане
Душу продают за звон монет.
Так что, мой хороший, не забудь
Отойти от всякого соблазна
И на затихающую грудь
Руки положить крестообразно.*

Константин Фёдорович Рассадин

Избранное

Поэзия

978-5-91642-136-1

Редактор Н.И. Дорошенко

Технический редактор Е.И. Косырева

Подп. В печать 08.01.2015 г. Формат 84х108
1/32. Бумага офсет. №1. Гарнитура Georgia.

Печать офсетная. Печ. л. : 8

Тираж 1000 экз. заказ № 9

АНО «Редакционно-издательский дом
«Российский писатель».

119146. Москва. Комсомольский пр-т. 13.

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного оригинал-
макета.